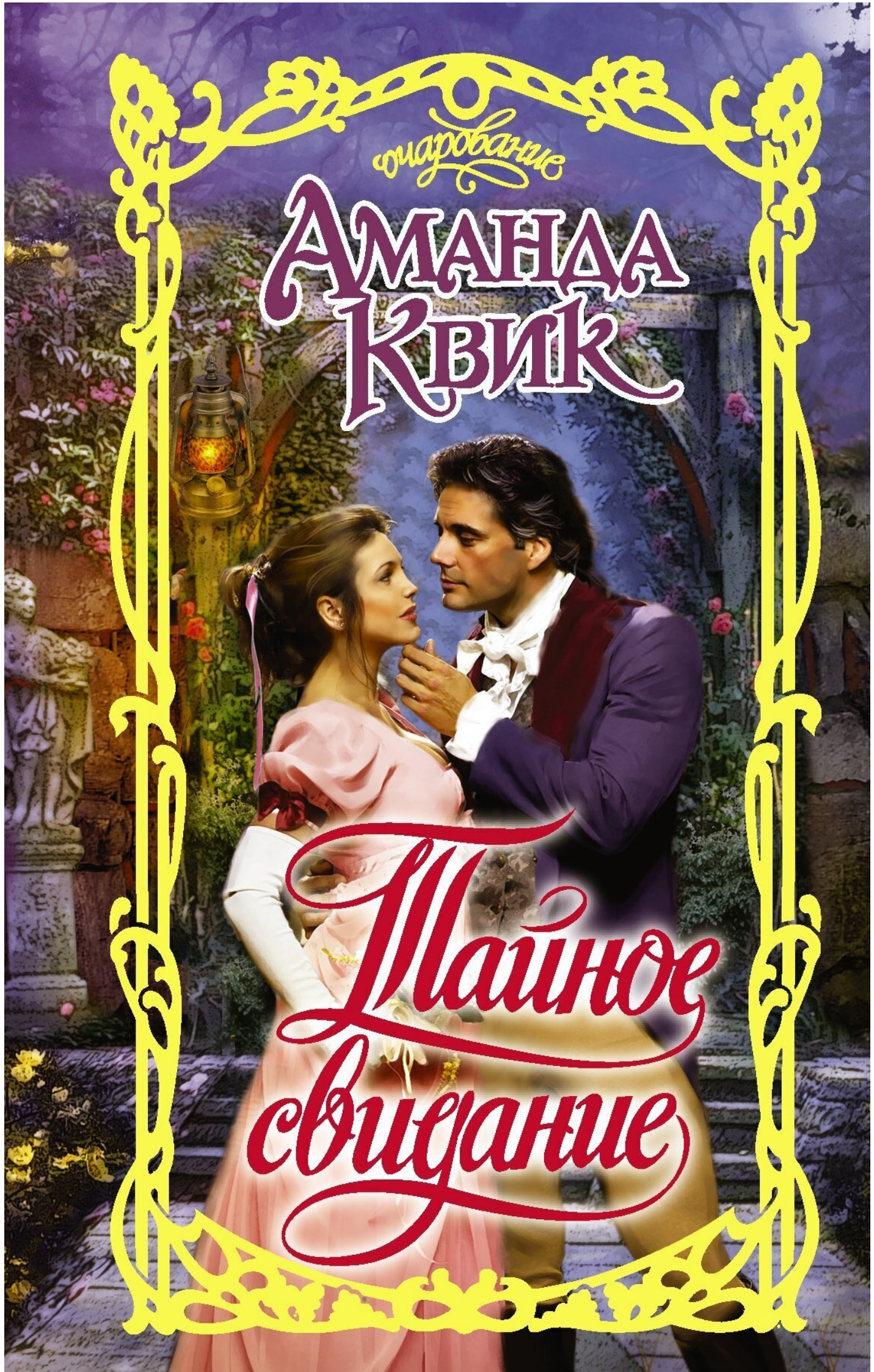


очарование

# АМАНДА КВИК

Свадебное  
свидетание



Очарование (АСТ)

Аманда Квик

**Тайное свидание**

«Издательство АСТ»

1991

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44

**Квик А.**

Тайное свидание / А. Квик — «Издательство АСТ»,  
1991 — (Очарование (АСТ))

ISBN 978-5-17-133124-5

Надо было обладать бесстрашной душой и безграничным презрением к светским условностям Августы Баллинджер, чтобы влезть ночью в окно кабинета графа Грейстоуна с единственной целью: отговорить этого безупречного джентльмена на ней жениться. Однако наивную провинциалку поджидал сюрприз: как выяснилось, она очень мало знала о своем новоиспеченном женихе. Скучная безукоризненность Гарри Грейстоуна – лишь легенда, под которой скрывается один из самых отчаянных контрразведчиков «на тайной службе его величества», – и дикая выходка девушки только сильнее убеждает этого отважного человека, что она – именно та женщина, которая ему нужна. Осталось только убедить в этом и саму Августу...

УДК 821.111-31(73)  
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-133124-5

© Квик А., 1991  
© Издательство АСТ, 1991

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	50

# **Аманда Квик**

## **Тайное свидание**

© Jayne A Krentz, 1991

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

## Пролог

Война окончена.

Человек по прозвищу Немезида стоял возле окна своего кабинета и прислушивался к шуму, доносившемуся с улиц. Весь Лондон праздновал победу над армией Наполеона при Ватерлоо так, как это умеют только лондонцы: с фейерверками, музыкой, песнями и танцами ликующей толпы, заполнившей город.

Формально война окончена, но Немезида знал: до настоящего конца еще далеко. К тому же он был уверен, что для него война никогда не кончится, ибо личность предателя, назвавшего себя Пауком, по-прежнему оставалась загадкой. Неужели ему так и не удастся раскрыть эту последнюю тайну? Неужели правосудие не восторжествует во имя тех, кто погиб от руки Паука?

И в то же время Немезида понимал: ему необходимо заняться устройством своей личной жизни. У него имеются определенные обязательства по отношению к семье и титулу, и потому предстоит начать поиск невесты, причем так, как привык делать все в жизни: опираясь на логику и здравый смысл. В первую очередь следовало составить список достойных кандидатов, а затем тщательно отобрать одну – достойнейшую.

Он совершенно точно представлял, какой хотел бы видеть будущую жену. Соответственно его знатному имени и высокому титулу, это должна быть особа добродетельная, а что касается его личных требований к невесте, то хотелось бы, чтобы ей можно было полностью доверять, чтобы не было повода для ревности.

Слишком долго прожив в тени, Немезида давно понял, что доверие и верность – бесценны.

Он снова прислушался к праздничному шуму на улицах. Да, война окончена. И нет на свете человека, который при этом испытывал бы большую благодарность судьбе, чем Немезида, но также он чувствовал, что в глубине души всегда будет сожалеть, что последняя встреча между ним и жестоким убийцей и предателем по прозвищу Паук так и не произошла.

## Глава 1

Дверь библиотеки тихо приоткрылась, и пламя свечи тут же затрепетало от легкого сквозняка. Сидя на корточках в дальнем темном углу комнаты, Августа Баллинджер замерла, так и не успев отпереть шпилькой для волос ящик письменного стола, принадлежавшего хозяину дома.

Спрятавшись за массивными дубовыми тумбами, она в отчаянии смотрела на колеблющееся пламя той единственной свечи, которую принесла в библиотеку. Пламя снова всколыхнулось: дверь осторожно притворили. Похолодев от ужаса, Августа выглянула из-за краешка стола, пытаясь что-нибудь различить в темноте.

Вошедший в библиотеку замер возле двери, утопая в чернильной тьме. Он был высок и одет в черный халат. Ей не удалось разглядеть его лицо, но тем не менее, сжавшись от страха за тумбой стола, Августа не могла избавиться от тревожной мысли, что он знает о ее присутствии.

Только один мужчина на свете способен так воздействовать на ее чувства, и ей совсем не обязательно видеть его лицо. Да, она была почти уверена: там, в тени, точно огромный хищный зверь, притаился Грейстоун.

Но он, видимо, не собирался поднимать шум, и она почувствовала, как полегчало у нее на душе. Удивительно, как уверенно он ведет себя в полной темноте, подумала Августа, словно находится в своей стихии. И снова затеплилась надежда: а что, если он ничего особенного не заметил? Что, если он просто пришел, чтобы выбрать себе книгу, а увидев свечу, решил, что ее просто кто-то забыл здесь по неосторожности?

На мгновение Августе даже показалось, что он и не мог ее заметить, когда она выглянула из-за письменного стола. Вполне вероятно, что ему вообще ничего не видно, тем более так далеко, на другом конце огромной комнаты, и если вести себя осторожно, то у нее еще есть шанс выпутаться из столь неприятной истории и спасти свою безупречную репутацию. Августа втянула голову в плечи и постаралась как можно глубже забиться под украшенную резьбой дубовую крышку письменного стола.

Шагов по толстому персидскому ковру она не услышала, зато суровый голос раздался как гром среди ясного неба:

– Добрый вечер, мисс Баллинджер. Полагаю, вы нашли нечто чрезвычайно интересное для чтения именно здесь, в письменном столе Энфилда? Хотя, по-моему, здесь темновато, не находите?

Ну как не узнать этот чудовищно спокойный мужской голос! Подтвердились самые худшие ее опасения: это действительно Грейстоун. Ну что ж ей так не везет! Это же надо, чтобы из всех многочисленных гостей, съехавшихся в загородное поместье лорда Энфилда на выходные, на месте преступления ее застал именно он – лучший друг дядюшки, Гарри Флеминга, граф Грейстоун! Он-то ни за что не поверит ни одной из тех бойких историй, которые она предусмотрительно заготовила на случай провала!

Грейстоун постоянно смущал Августу, и причин для этого было предостаточно. Во-первых, от его взгляда: немигающего, точно пронзительного – становилось не по себе и никак не получалось солгать. Казалось, что он видит ее насквозь. В его присутствии приходилось вести себя предельно осторожно, взвешивать каждое слово, чтобы не сболтнуть лишнего.

Августа лихорадочно выбирала из всех заготовленных оправдательных версий наиболее правдоподобную. Выдумка должна быть безукоризненной: Грейстоуна не проведешь. Да, граф чрезвычайно мрачная личность, всегда преисполнен чувства собственного достоинства, обладает поистине спартанской ледяной вежливостью и временами выглядит как напыщенный пуританин, но в отсутствии ума его не упрекнешь.

Поразмыслив, Августа решила, что выбора у нее нет: придется пойти на исключительную наглость, – и, заставив себя лучезарно улыбнуться, обратила лицо вверх, с легким удивлением взглянув на незваного гостя:

– О, добрый вечер, милорд! Вот уж не ожидала, что в столь поздний час кто-то еще заглянет в библиотеку. Вас удивляет мой вид? Да вот ищу... свою шпильку: обронила нечаянно.

– Ваша шпилька что, застряла в замке одного из ящиков?..

Августе пришлось, быстро изобразив удивление, резво вскочить на ноги:

– Господи, ну конечно! Вот же она! И как только она умудрилась туда попасть! Благодарю вас. – Дрожащими пальцами она вытащила шпильку и как ни в чем не бывало сунула в карман своего легкого халатика. – Спустилась сюда взять что-нибудь почитать: никак не могла уснуть. И вот пожалуйста: такая досадная оплошность – потеряла шпильку!

Грейстоун при неверном свете свечи неторопливо рассматривал ее улыбающееся лицо, понимая, что она лжет.

– Я весьма удивлен, мисс Баллинджер, что вас мучает бессонница. Любая другая леди на вашем месте давно рухнула бы без сил. Днем вы участвовали в состязаниях для дам по стрельбе из лука, затем – в длительной прогулке к старинным римским развалинам, потом – в пикнике, а вечером еще чрезвычайно много танцевали и играли в вист. Можно предположить, что после столь бурного дня вы должны просто с ног валиться.

– Да, разумеется, вы правы, но, наверное, все дело в том, что незнакомая комната, другая постель... Вы знаете, милорд, как иной раз бывает трудно уснуть, когда ложишься не в свою кровать.

Холодные серые глаза графа, похожие на замерзшее зимнее озеро, странно блеснули.

– Чрезвычайно интересное наблюдение! И как часто вам приходится ложиться в чужую кровать, мисс Баллинджер?

Августа растерянно уставилась на него, не понимая, обижаться или нет. На какой-то миг в глубине души у нее возникла твердая уверенность, что в вежливых словах Грейстоуна содержится явно неприличный подтекст, потом она все же решила, что ей показалось. Ведь это же Грейстоун! Он ни за что никогда не сделает и не скажет в присутствии леди ничего непристойного, только вот вряд ли он считает ее леди, мрачно напомнила себе девушка.

– Нет, милорд, у меня не было возможностей путешествовать, поэтому не приходилось спать не в своей постели. А теперь, с вашего позволения, я лучше вернусь наверх. Кузина могла проснуться и заметить мое отсутствие. Не хочу ее беспокоить.

– Ах да, прелестная Клодия! Ну разумеется, мы не хотим, чтобы наш Ангелочек переживал из-за своей проказницы кузины, не правда ли?

Августа нахмурилась. Похоже, в глазах графа она пала чрезвычайно низко, раз он воспринимает ее как дурно воспитанную взбалмошную девицу. Остается лишь надеяться, что хотя бы воровкой он ее не считает.

– Да, милорд, мне действительно не хочется тревожить Клодию. Спокойной ночи, сэр.

Высоко вскинув голову, она двинулась к выходу, но Грейстоун, стоявший на пути, и не подумал уступить дорогу и даже не шевельнулся, так что ей пришлось резко остановиться прямо у него перед носом. Ее ошеломила исходившая от него могучая спокойная сила, и пришлось собрать все свое мужество, чтобы сохранить самообладание.

– Вы, конечно же, не станете препятствовать мне, милорд?

Грейстоун чуть вскинул брови:

– А что, вы передумали брать то, за чем, собственно, пришли сюда?

Во рту у Августы пересохло. Откуда ему знать о дневнике Розалинды Морисси!

– К сожалению, милорд, это больше не потребуется: я, похоже, усну и так... Такое бывает, знаете ли...

– То есть вам больше не нужно то, что вы хотели отыскать в письменном столе Энфилда?..

Августа тщетно попыталась скрыть смятение, изобразив негодование:

– Да как вы смеете даже предполагать, что я рылась в чужих вещах? Я же объяснила: шпилька выпала из прически и случайно застряла в замке!

– Позвольте мне, мисс Баллинджер.

Грейстоун вытащил из кармана халата тонкую проволоку и точным движением сунул в замок письменного стола. Послышался слабый, но вполне отчетливый щелчок.

Августа с изумлением наблюдала, как он легко открывает ящик стола и изучает его содержимое... Но вот Грейстоун взмахнул рукой, словно приглашая присоединиться и поискать то, что ей нужно.

На несколько мгновений она замерла, не решаясь принять предложение, но потом, закусив нижнюю губу, все же подошла и принялась торопливо рыться в ящике стола. Наконец под листами писчей бумаги обнаружилась маленькая книжица в кожаном переплете. Августа сразу схватила ее, прижала к груди и, посмотрев Грейстоуну в глаза, медленно проговорила:

– Даже не знаю, что и сказать, милорд.

Лицо графа, суровое, с резкими чертами, в мерцающем свете свечи казалось еще более мрачным, чем обычно. Грейстоун не был красавцем в общепринятом смысле слова, но сразу, едва дядя Томас представил их друг другу в начале лета, Августа ощутила в нем некую странно притягательную силу.

Его широко поставленные серые глаза пробуждали в душе нечто такое, отчего ей хотелось прикинуться к нему, но она, конечно, не забывала, что графу вряд ли это понравится. А может быть – Августа вполне отдавала себе в этом отчет, – его притягательность всего лишь плод обычного, чисто женского любопытства. Ей казалось, что душа этого джентльмена плотно закрыта от посторонних, и Августе страстно хотелось взглянуть. Она и сама не могла бы объяснить почему, но желание было нестерпимым.

Граф вовсе не был героем ее девических мечтаний. По правде говоря, Грейстоуна скорее можно было бы назвать скучным, но она почему-то находила его опасным, волнующим, загадочным.

В густых темных волосах Грейстоуна уже поблескивало серебро. Ему хоть и было лет тридцать пять, выглядел он на все сорок, и не потому, что лицо его избороздили морщины, а тело стало немощным, наоборот... Но графа всегда отличали некая мрачная твердость и суровость, свидетельствовавшие о весьма значительном опыте и глубоком знании жизни. Трудно было бы даже предположить, что он ученый, специалист по классической филологии, не знай Августа этого наверняка. Вот вам еще одна загадка. Несмотря на то что Грейстоун был в халате – явно уже приготовился ко сну, – это одеяние не скрывало ни его широких плеч, ни рельефных мышц; держался он с поистине королевской непринужденностью и достоинством, чего уж никак нельзя было отнести на счет искусства его портного. Двигался он с плавной тяжелой грацией хищника, и каждый раз, глядя на него, Августа чувствовала, как по спине пробегал холодок. Она никогда еще не встречала мужчину, который производил бы на нее столь же сильное впечатление, как Грейстоун.

Августа и сама не понимала, чем вызван ее жгучий интерес к Грейстоуну: ведь они полнейшие противоположности как по темпераменту, так и по манере себя вести. При любых обстоятельствах – в этом она не сомневалась – они будут лишь раздражать друг друга, а ее возбуждение, нервная дрожь, странное беспокойство, стоило графу появиться поблизости или заговорить с ней, ровным счетом ничего не значат, успокаивала себя Августа.

Она старалась не думать и о том, что, по ее глубокому внутреннему убеждению, Грейстоун пережил какую-то тяжкую утрату (как, впрочем, и она сама) и ему сейчас совершенно необходимы любовь и забота, чтобы справиться с ощущением разверзшейся перед ним черной бездны, прогнать холодные тени, омрачавшие взор. Всему свету известно, что Грейстоун намерен жениться и подыскивает невесту, но Августа, конечно же, понимала, что он никогда не

обратит внимание на ту, что способна нарушить его тщательно отлаженную жизнь. Ему нужна девушка спокойная и покладистая...

Она слышала немало сплетен и знала, какие качества нравятся графу в женщинах. По слухам, Грейстоун – в полном соответствии с собственным уравновешенным и методичным характером – составил некий список, который свидетельствовал о его чрезвычайно высоких требованиях к будущей супруге. Прежде всего его избранница должна быть образцом всех женских добродетелей, безупречной во всех отношениях: серьезной, разумной, сдержанной, достойной, хорошо воспитанной – истинной леди. Само собой разумеется, репутация супруги графа должна быть абсолютно незапятнанной, не допускающей даже намека на сплетни. Одним словом, будущая графиня не должна иметь ни единого изъяна... Такой и в голову бы никогда не пришло рыться среди ночи в чужом письменном столе.

– Мне почему-то кажется, – шепнул граф, кивнув на маленькую книжицу в руках Августы, – что чем меньше об этом происшествии будет известно в свете, тем лучше. Владелица дневника – ваша близкая подруга, если не ошибаюсь?

Августа вздохнула, поняв, что терять ей нечего. Все ее дальнейшие оправдания и попытки изобразить оскорбленную невинность бесполезны. Грейстоун определенно знает гораздо больше, чем ей бы хотелось.

– Да, милорд, вы правы. – Августа вздернула подбородок. – Моя подруга совершила большую ошибку, уделив слишком много внимания личным переживаниям, о чем позднее пожалела, поскольку обнаружила, что предмет ее страсти недостаточно честен с нею.

– Речь, как я понимаю, об Энфилде?..

Августа сурово поджала губы, прежде чем ответить.

– По-моему, это очевидно. Лорда Энфилда, по-видимому, принимают в высшем обществе из уважения к его титулу и воинским заслугам, но, боюсь, в отношениях с женщинами он недостаточно благороден, а в определенных ситуациях ведет себя просто как презренный негодяй. Дневник у моей подруги выкрали сразу после того, как она сообщила лорду Энфилду, что больше его не любит. Думаю, он подкупил одну из ее горничных.

В подробности вдаваться Августа не собиралась, а уже тем более посвящать его в причины своего появления в поместье.

– Энфилд пригрозил Розалинде предать огласке ее дневниковые записи, если она откажется вступить с ним в брак.

– Но к чему ему такие сложности? И для чего понадобилось шантажировать вашу подругу? Он и так пользуется благосклонностью дам. По-моему, они в восторге от его замечательных подвигов в битве при Ватерлоо.

– Розалинда Морисси – наследница огромного состояния, милорд, – сухо отметила Августа. – А Энфилд, говорят, после возвращения из Европы проиграл большую часть своих денег, поэтому они с его матушкой решили, что ему необходимо найти богатую невесту.

– Понятно. Я как-то не принял во внимание, что слухи о недавних финансовых затруднениях Энфилда столь широко распространились среди прекрасных дам. И он, и его матушка приложили немало усилий, чтобы скрыть истинное положение дел. Свидетельство тому – нынешний шумный прием здесь, в их поместье.

Августа понимающе усмехнулась:

– Да, разумеется. И надо ли мне вам объяснять, милорд, как мужчины охотятся за богатыми и знатными невестами и с чего в этом случае начинают? К сожалению, разговоры о намерениях такого охотника мчатся впереди его, и наиболее умные из числа возможных жертв успевают сделать для себя определенные выводы.

– Уж не намекаете ли вы на мои собственные матримониальные намерения, мисс Баллинджер?

Августа почувствовала, как вспыхнули у нее щеки, однако решила выдержать холодный неодобрительный взгляд Грейстоуна. В конце концов, он почти всегда смотрел на нее неодобрительно.

– Раз уж вы спросили, милорд, – заявила Августа, – могу сообщить, что всему свету известно о ваших непомерных требованиях к будущей супруге. Говорят, вы даже составили список претенденток.

– Замечательно! А не говорят ли, кто именно в него включен?

Она бросила на него сердитый взгляд:

– Нет. Я только слышала, что таковых не много, и это вполне понятно, учитывая ваши требования.

– Откровенно говоря, я заинтригован. Ну и каковы же мои требования к будущей супруге, мисс Баллинджер? Нельзя ли поточнее?

Августа давно уже пожалела, что у нее не хватило ума промолчать... Впрочем, благоразумие и осторожность никогда не были сильными чертами представителей семейства Баллинджер по нортумберлендской линии. И она отважно бросилась в омут.

– По слухам, милорд, вы ищете совершенство, истинную леди. Мне остается лишь пожелать вам удачи.

– Из вашего довольно язвительного тона я должен сделать вывод, что найти таковую мне будет нелегко?

– Ну, все зависит от того, что вы сами подразумеваете под определением добродетели, – запальчиво возразила Августа. – По моим сведениям, ваши требования чрезмерно строги. Таких женщин просто не существует. К тому же, наверное, ужасно скучно не иметь ни единого изъяна, знаете ли. Нет, сэръ, вам стоило бы несколько увеличить свой список, тем более если вы, подобно лорду Энфилду, ищете богатую невесту... Всем известно, как мало у нас таковых.

– К несчастью, а может, и к счастью – все зависит от вкуса, – богатая невеста мне вовсе не нужна. Для меня значительно важнее иные, соответствующие моим представлениям женские добродетели. Однако ваша осведомленность относительно моих личных дел, мисс Баллинджер, весьма меня удивляет. Могу ли я спросить, откуда вам столько известно?

Августа, разумеется, не собиралась распространяться о деятельности «Помпеи» – дамского клуба, созданного не без ее участия, который служил поистине неисчерпаемым источником слухов и сведений.

– В Лондоне никогда не было недостатка в сплетнях, милорд.

– Вот это уж точно. – Грейстоун прищурился. – На улицах нашего города слухов что грязи, верно? Но вы совершенно правы: я предпочел бы, чтобы за моей женой не тащился шлейф слухов и сплетен.

– Я уже пожелала вам удачи, милорд. – Ее несколько обескуражило услышанное, поскольку Грейстоун подтвердил все разговоры о своем знаменитом списке. «Надеюсь, вы не слишком расстроитесь из-за того, что так высоко подняли планку», – усмехнулась про себя Августа и, прижав к груди дневник Розалинды Морисси, добавила: – Если позволите, милорд, я бы хотела, вернуться в свою комнату.

– О, разумеется. – Грейстоун с мрачноватой вежливостью поклонился и чуть отступил в сторону, чтобы она могла пройти между ним и письменным столом.

С облегчением осознав, что путь к спасению свободен, Августа осторожно обогнула стол и проскользнула мимо графа, прекрасно отдавая себе отчет в излишне интимном характере их беседы. И в костюме для верховой езды, и во фраке граф выглядел достаточно впечатляюще, чтобы она не могла оторвать от него глаз, но Грейстоун в домашнем халате на голое тело – нет, это уж слишком для ее необузданной фантазии!

Она пролетела через всю библиотеку, но тут вспомнила нечто важное и, резко остановившись, обернулась к графу:

– Сэр, я должна задать вам один вопрос.

– Ну, если должны...

– Сочтете ли вы себя обязанным посвятить лорда Энфилда в обстоятельства нынешнего происшествия?

– А как бы вы поступили на моем месте, мисс Баллинджер? – сухо спросил в свою очередь Грейстоун.

– Думаю, будь я настоящим джентльменом, непременно сохранила бы все в тайне, – торопливо проговорила Августа. – В конце концов, на кон поставлена честь дамы.

– Боже, как это верно! И заметьте, речь не только о вашей подруге. Ваша репутация сегодня подвергалась не меньшему риску, не правда ли, мисс Баллинджер? Вы играли чересчур рискованно, оказавшись в таком виде наедине с мужчиной.

Черт бы его побрал! Вот же надменное самоуверенное чудовище! И какой напыщенный!

– Да, вы правы, я действительно рисковала нынче ночью, милорд, – ледяным тоном проговорила Августа. – Но вы, должно быть, помните, что я принадлежу к нортумберлендской ветви рода Баллинджер? Женщины в нашей семье никогда особенно не беспокоились о соблюдении условностей.

– Значит, вы не считаете, что большая их часть создана для вашей же безопасности?

– Нисколько. Эти правила наверняка придумали мужчины для собственного удобства, и ни для чего более.

– Прошу прощения, но позвольте с вами не согласиться, мисс Баллинджер. Кое-какие светские правила исключительно неудобны для мужчин. И я совершенно уверен, что данные обстоятельства – именно такой случай...

Она неуверенно взглянула на него, нахмурилась, а потом все-таки решила пропустить сие загадочное заявление мимо ушей.

– Сэр, я прекрасно знаю, что вы в дружеских отношениях с моим дядюшкой, и мне бы не хотелось, чтобы мы с вами стали врагами.

– Вполне с вами согласен, и, уверяю, у меня нет ни малейшего желания ссориться, мисс Баллинджер.

– Благодарю, но тем не менее вынуждена признать: у нас с вами очень мало общего, милорд. Мы слишком разные – как по темпераменту, так и по интересам. Не сомневаюсь: вы и сами это понимаете. Для вас всегда диктат чести и соблюдение приличий будет на первом месте.

– А вы сами, мисс Баллинджер? Неужели для вас не существует никаких сдерживающих факторов?

– Нет, милорд, – искренне призналась Августа. – Я намерена испить до дна чашу своей судьбы. В конце концов, я последняя из нортумберлендских Баллинджеров, а мы, как я уже говорила, скорее бросились бы в омут с головой, чем дали бы похоронить себя под грузом никому не нужных дурацких добродетелей!

– Ну-ну, успокойтесь, мисс Баллинджер, вы меня разочаровываете. Разве вам никто не говорил, что добродетель всегда вознаграждается?

Августа прищурилась, взглянув на собеседника: да он, похоже, просто дразнит ее.

– Мне не приходилось видеть тому примеров, милорд. А теперь, пожалуйста, все-таки ответьте на мой вопрос: намерены ли вы рассказать лорду Энфилду о сегодняшнем происшествии?

Граф наблюдал за ней из-под полуприкрытых век, сунув руки глубоко в карманы халата.

– А как вы думаете, мисс Баллинджер?

Она быстро облизнула верхнюю губу и улыбнулась:

– Я думаю, милорд, вы запутались в силках собственных правил. Вы не можете рассказать Энфилду о ночных событиях в библиотеке, ибо это угрожает вашему достойному восхищению моральному облику, вами же созданному, не так ли?

– Вы правы. Я не скажу Энфилду ни слова, но у меня есть на то личные причины, мисс Баллинджер. А поскольку вам эти причины неизвестны, я очень советую: не делайте слишком поспешных выводов.

Она чуть склонила голову набок, размышляя над его словами.

– Одна из причин, вероятно, заключается в чувстве долга по отношению к моему дядюшке? Вы как близкий друг не хотите ставить его в неловкое положение из-за моей сегодняшней выходки.

– Да, отчасти это соответствует истине, хотя, конечно же, далеко не все.

– Ну что ж, каковы бы ни были истинные причины, я вам в любом случае благодарна. – Августа обрадовалась при мысли, что теперь ни ей, ни ее подруге Розалинде Морисси ничто не угрожает, но тут же спохватилась: на еще один очень важный вопрос она пока не получила ответа. – Но... скажите, милорд: как вы узнали о моих намерениях?

Теперь улыбнулся Грейстоун. Впрочем, нет, не улыбнулся – это был скорее оскал, от которого у Августы по спине пробежал холодок тревоги.

– О, как я понимаю, этот вопрос не даст вам уснуть, мисс Баллинджер. Что ж, подумайте над ним хорошенько. Возможно, вам принесут пользу размышления о том, что и тайные дела некоторых дам могут легко стать предметом сплетен и пересудов. Мудрой леди надлежит быть предельно осторожной и не пускаться в столь рискованные предприятия, на какое вы отважились сегодня ночью.

Августа раздраженно наморщила носик.

– Мне следовало бы помнить, что нельзя задавать вам подобные вопросы. Столь высокоумный человек, как вы, никогда не упустит возможности прочесть нравоучительную лекцию. Но на этот раз в знак благодарности за помощь и обещанное молчание вас прощаю.

– Очень надеюсь, что вы не забудете о своей благодарности...

– Разумеется.

Повинуясь безотчетному порыву, Августа вернулась к письменному столу, остановилась прямо перед Грейстоуном, приподнялась на цыпочки и легко, едва коснувшись губами, чмокнула в щеку, даже скорее в подбородок. Граф словно окаменел, а проказница, заметив его замешательство, едва удержалась от смеха.

– Спокойной ночи, милорд!

Воодушевленная собственной дерзостью и успехом предприятия, Августа вихрем бросилась к двери, но граф окликнул ее:

– Мисс Баллинджер?

– Да, милорд? – обернулась Августа, надеясь, что в темноте библиотеки он не заметит, как пылает ее лицо.

– Вы забыли свою свечу. Возьмите: на лестнице очень пригодится.

Грейстоун протянул свечу Августе, и та, молча ее схватив, выбежала вон.

Пока летела по лестнице, а потом мчалась по коридору в свою комнату, Августа твердила себе, что должна радоваться, поскольку ее не включили в пресловутый список. Женщина из нортумберлендской ветви Баллинджеров не должна позволять приковывать себя цепями брака к этому старомодному пуританину!

К тому же они такие разные! Кто она, а кто граф: известный ученый-лингвист, специалист по классической филологии – как и дядюшка Августы сэр Томас Баллинджер, который посвятил свою жизнь изучению истории древних греков и римлян, написал и опубликовал несколько серьезных научных трудов, и те очень высоко оценили критики и специалисты.

Если бы Грейстоун был одним из новомодных писателей, в огненной прозе и горящих глазах которых отражались кипевшие в их душах страсти, Августа еще могла бы понять, почему так восхищается им, но он вместо обжигающе чувственных романов строчил скучнейшие трактаты с названиями вроде: «К дискуссии о некоторых элементах «Истории» Тацита» или «Исследования избранных мест из «Жизнеописаний» Плутарха». Обе работы были недавно представлены на суд критики, и обе Августа прочитала от корки до корки, хотя и не могла бы сказать почему.

Она задула свечу и тихонько проскользнула в спальню, которую делила с кухней Клодией, на цыпочках подошла к кровати и разделась. Лунный луч, проникавший между тяжелыми занавесями, освещал очаровательное личико с аристократическим профилем, мило уткнувшееся в подушку, сомкнутые веки с длинными ресницами, скрывавшими небесно-голубые глаза... Недаром молодые поклонники из высшего общества дали ей милое прозвище – Ангелочек. Эта золотоволосая красавица, истинная представительница гэмпширской ветви Баллинджеров, действительно была похожа на неземное существо.

Августа от всей души гордилась тем успехом, которого добилась ее кузина. В конце концов, это ее заслуга как старшей из сестер (Августе исполнилось двадцать четыре), поскольку именно она ввела юную Клодию в свет. Августа решила хотя бы этим отплатить дяде и кухне за их доброту и заботу: два года назад, когда умер ее брат Ричард, они приняли ее в свою семью.

Сэр Томас, будучи гэмпширским Баллинджером, человеком весьма состоятельным, не жалел средств для единственной дочери и был так щедр, что заодно подписывал и счета Августы. Будучи вдовцом, он не вращался среди представительниц высшего света, поэтому не имел необходимых связей для того, чтобы подготовить Клодию к первому сезону. И разумеется, сэр Томас не слишком разбирался в таких вопросах, как стиль и светский этикет. Как раз в этом Августа и могла оказать ему неоценимую помощь.

И если гэмпширские Баллинджеры славились своим богатством, то нортумберлендские обладали безупречным вкусом и светским воспитанием.

Августа очень любила свою кухню, хотя они и отличались друг от друга во всем как день и ночь. Например, Клодии никогда бы и в голову не пришло прокрасться ночью в чужую библиотеку и вскрыть замок в письменном столе хозяина дома. И к членам клуба «Помпея» Клодия не имела ни малейшего желания присоединиться. Она, конечно же, ужаснулась бы при одной лишь мысли, чтобы предстать в полночь полураздетой перед мужчиной, тоже не обремененным одеждой, да еще столько времени проболтать с ним. У Клодии, как и у графа Грейстоуна, были весьма четкие представления о правилах приличия.

И тут Августу осенило: кузина... вот кто вполне может входить в его список!

Гарри еще долго стоял в темной библиотеке у окна, глядя на залитый лунным светом сад. Сначала он не хотел принимать приглашение Энфилда, поскольку знал, что здесь соберется слишком много гостей. Обычно он старался избегать подобных сборищ: они страшно его раздражали, было скучно, и он считал их пустой тратой времени, как, впрочем, и почти все светские развлечения. Однако этот летний сезон он решил посвятить выбору невесты, а поскольку сделать это можно было только на подобных мероприятиях, передумал.

Впрочем, сегодняшний вечер никак нельзя назвать скучным, усмехнулся Гарри. Намерение оградить будущую невесту от неприятностей, безусловно, оживило для него эту поездку за город. Интересно, размышлял он, сколько еще подобных полуночных свиданий понадобится, прежде чем удастся убедить ее пойти под венец?

Господи, эта проказница просто сводит его с ума! Ей давным-давно пора замуж, причем супруг ее должен обладать железной волей, чтобы держать ее на коротком поводке. Что ж, остается только надеяться, решил Грейстоун, что ему как-то удастся обуздать ее неукротимый нрав.

Тому, что Августа Баллинджер в свои двадцать четыре года все еще была не замужем, имелись свои причины, и основной из них стала череда смертей, постигшая ее семью. Сэр Томас, дядя Августы, рассказывал Гарри, что ей едва исполнилось восемнадцать, когда она потеряла родителей. Несчастный случай – опрокинулся экипаж. Отец Августы, страстный любитель скачек, гнал лошадь так, будто от этого зависела его жизнь. К несчастью, в тот день с ним поехала жена... Подобная беспечность, по словам сэра Томаса, к сожалению, отличала всех представителей нортумберлендской ветви их рода.

Августа и ее старший брат Ричард остались почти без средств к существованию. Совершенно очевидно, что и прохладное отношение к финансовому благополучию семьи также являлось характерной чертой нортумберлендских Баллинджеров...

Ричард распродал почти все из своего наследства, кроме небольшого домика, где они жили вместе с Августой, и на вырученные деньги купил себе офицерский чин. Увы, юноша вскоре погиб – и не в бою, а от рук разбойников на дороге неподалеку от дома: ехал верхом из Лондона в отпуск повидаться с сестрой.

Смерть брата, по словам сэра Томаса, просто оглушила Августу. Она осталась совсем одна. И когда дядя предложил переехать к ним, Августа не сразу, но все же согласилась и на долгие месяцы погрузилась в пучину столь ужасной меланхолии, от которой, казалось, уже ничто не могло ее излечить. Казалось, что блеск и огонь, столь характерные для всех Баллинджеров нортумберлендской ветви, угасли в ней навсегда.

И тут сэра Томаса озарило. Он попросил Августу взять на себя труд подготовить дочь Клодию к выходу в свет. Белокурый ангел, очаровательный «синий чулок», девушка уже отпраздновала двадцатилетие, но еще ни разу не посещала лондонских мероприятий и понятия не имела о светской жизни, ибо ее мать, к сожалению, тоже умерла два года назад. Возможно, время уже упущено, мрачно посетовал сэр Томас, объясняя Августе положение дел, однако Клодия, несомненно, должна участвовать в светских развлечениях. Беда в том, что, как и все представительницы интеллектуальной гэмпширской ветви семейства, она пока чувствовала себя в роли светской дамы абсолютно беспомощной. Августа же владела искусством светского общения в совершенстве и обладала необходимым чутьем. Кроме того, она была дружна с Салли – леди Арбутнотт, имевшей множество бесценных связей в обществе. Словом, она легко могла научить свою кузину правильному поведению в свете и познакомить с самыми известными его представителями.

Августа сначала без особой охоты взялась за дело: скорее из чувства благодарности дяде, – но вскоре увлеклась и с головой погрузилась в решение поставленной перед ней задачи, проявив при этом истинно нортумберлендский пыл. Результаты оказались не только впечатляющими, но и превзошли самые смелые ожидания. Скромная, сдержанная, добродетельная Клодия, которой явно грозила опасность остаться «синим чулком», мгновенно снискала всеобщее признание и получила прозвище Ангелочек. Справедливости ради надо отметить, что и сама Августа имела неменьший успех.

Сэр Томас был безумно рад этому и признавался Гарри, что ему не терпится отдать обеих юных леди замуж. Но Гарри прекрасно понимал, что это будет не так-то просто, потому что Августа, похоже, вовсе не намерена выходить замуж: для этого она слишком любит свободу и светские развлечения.

Обладательница роскошных блестящих каштановых волос и лукавых глаз цвета дымчатого топаза, мисс Августа Баллинджер давным-давно могла бы обзавестись семьей, если бы действительно хотела этого: у графа не было на сей счет никаких сомнений, – но больше всего он был поражен своим интересом к девушке. Она ведь явно не обладала теми качествами, которые он хотел видеть в своей будущей жене, и тем не менее выбросить ее из головы он не мог. С того самого дня, когда его старая приятельница, леди Арбутнотт, предложила внести Августу в список предполагаемых невест, он чувствовал себя околдованным.

Он постарался укрепить дружбу с сэром Томасом, чтобы иметь возможность чаще общаться со своей будущей женой, хотя сама Августа и не догадывалась, почему ее дядя и Грейстоун вдруг стали так близки. Гарри жил так, что редко кто мог догадаться о его хитроумных замыслах или причинах того или иного поступка, если он того не хотел.

Благодаря беседам с сэром Томасом и леди Арбутнотт Гарри узнал, что, при всей своей взбалмошности и даже легкомысленности, Августа никогда не предала бы никого из родных или друзей, всегда была готова прийти на помощь. Для графа всегда верность была качеством столь же бесценным, как и добродетель, и даже более того: эти слова он считал синонимами.

Он даже согласился бы смотреть сквозь пальцы на подобные сегодняшнему безрассудства Августы, если бы был уверен, что может ей полностью доверять. Впрочем, после того, как благополучно женится, он не собирался позволять Августе всякие дурацкие выходки.

За последние несколько недель Гарри пришел к твердому убеждению, что должен непременно жениться на ней, даже если потом ему придется горько пожалеть об этом, и с позиций холодного разума сопротивляться этому желанию бесполезно. Он знал: с ней ему никогда не будет скучно. Помимо умения хранить верность Августе обладала еще одним ценным качеством: была совершенно непредсказуема и полна загадок, – а Гарри всегда привлекали загадки и головоломки. В общем, ему уже давно стало ясно – забыть эту девушку он не в силах.

И последнее искушающее обстоятельство – Августа, несомненно, чрезвычайно привлекательна. Когда она стояла рядом, все его тело откликалось самым предсказуемым образом. Вокруг Августы словно существовала некая аура поразительной женственности, которая воздействовала на его разум и чувства.

Ее образ буквально преследовал Гарри, особенно одинокими ночами. А будучи с ней рядом, он часто ловил себя на мысли, что не в силах отвести взгляд от ее прелестной груди, которую она дерзко выставляла напоказ, одеваясь в платья с чересчур глубоким вырезом. Впрочем, и это она делала с неподражаемой, совершенно естественной грацией! Ее тонкая талия и соблазнительно округлые бедра дразнили и мучили, и тогда он чувствовал, что его тело сводит судорога желания.

И все же она не красавица, в сотый раз уверял он себя: по крайней мере, не принадлежит к столь обожаемому большинством классическому типу, – и в то же время понимал, что своим неповторимым очарованием Августа обязана именно этим лукавым глазам, вздернутому носику и смеющемуся рту. Ах как он жаждал отведать вкус этих губ!

Гарри подавил готовое сорваться с губ проклятие. Все это очень напоминало сочиненную Плутархом историю о Клеопатре. Клеопатра не отличалась замечательной красотой, однако ее колдовскому очарованию, просто самому ее присутствию рядом сопротивляться было бесполезно. Гарри совсем потерял голову, стремясь любыми путями заполучить Августу в жены. Он изобразил дело так, будто ищет в качестве невесты девушку совсем иного рода: спокойного нрава, серьезную и благовоспитанную – такую, которая могла бы стать хорошей матерью его дочери Мередит и целиком посвятила бы себя домашнему очагу. И самое главное, ее репутация должна быть безупречной, ни в малейшей степени не затронутой какими-либо слухами.

Жены в семействе Грейстоун не раз приносили в свой дом беды и раздоры, которые оставляли печальный след на судьбе многих последующих поколений, и Гарри не собирался поддерживать эту горькую традицию. Избранница Грейстоуна должна быть поистине безупречна, вне подозрений, подобно жене Цезаря.

Он долго искал сокровище, которое среди умных мужчин ценится куда выше бриллиантов чистейшей воды: особу добродетельную, – а вместо этого нашел безрассудное, упрямое, чрезвычайно легкомысленное создание по имени Августа, способное, он в этом не сомневался, превратить его жизнь в ад.

А еще, к своему ужасу, Гарри вдруг понял, что все остальные кандидатки в невесты из списка совершенно перестали его интересовать.

## Глава 2

На следующий день после возвращения в Лондон, в начале четвертого, Августа явилась в величественный городской особняк леди Арбутнотт. Дневник Розалинды Морисси лежал в безопасности у нее в ридикюле, и ей не терпелось поскорее сообщить подруге, что все в порядке.

– Я сегодня долго не задержусь, Бетси, – сказала она молоденькой горничной, поднимаясь по лестнице. – Нам нужно поторопиться домой и помочь Клодии подготовиться к приему у Барнетов. Для нее этот вечер особенно важен. Там, без сомнения, соберутся все сливки лондонского общества, так что ей необходимо выглядеть наилучшим образом.

– Да, мэм. Хотя мисс Клодия и не может выглядеть иначе: не зря же ее зовут Ангелочком.

– Конечно же, ты права, – улыбнулась Августа.

Дверь перед ними отворилась еще до того, как Бетси успела постучать. Скрагз, пожилой сутуловатый дворецкий леди Арбутнотт, как раз провожавший двух других молодых леди, удивленно уставился на посетительниц.

Августа узнала Белинду Ренфрю и Фелисити Отли. Они частенько наносили визиты леди Арбутнотт, как и многие другие богатые знатные дамы. Хозяйка дома хоть и не отличалась крепким здоровьем, однако никогда не страдала от одиночества.

– Добрый день, Августа, – приветливо поздоровалась Фелисити. – Вы сегодня прелестны.

– Да, это правда, – шепнула Белинда, придирчиво разглядывая Августу в модной темно-голубой ротонде поверх небесно-голубого платья. – Я рада, что вы пришли. Леди Арбутнотт ждет вас.

– И я не намерена ее огорчать, – весело отозвалась Августа, направляясь к дверям.

Впрочем, как и мисс Норгроув: Белинда Ренфрю, насколько Августе было известно, заключила пари с Дафнией Норгроув на десять фунтов, что дневник не будет возвращен его владелице...

Белинда снова метнула в ее сторону настороженный взгляд:

– Хорошо ли вы провели время в поместье Энфилда?

– Да, разумеется. Очень надеюсь еще увидеться с вами сегодня вечером, Белинда!

Ответная улыбка больше напоминала гримасу.

– Конечно, мы с вами увидимся, Августа. И с мисс Норгроув тоже. Всего доброго.

– Да-да, до вечера... Ах, здравствуйте, Скрагз!

Как только двери у нее за спиной захлопнулись, Августа с улыбкой посмотрела на сердитую, украшенную пышными бакенбардами физиономию дворецкого.

– Мое почтение, мисс Баллинджер. Надеюсь, леди Арбутнотт с нетерпением ждет вас?

– Разумеется!

Августа не собиралась оправдываться перед этим невыносимым старикашкой, точно чербер охранявшим двери дома леди Арбутнотт.

Скрагз был здесь единственным мужчиной среди обслуги и очень гордился тем, что он первый представитель сильного пола, которого леди Арбутнотт наняла в свой дом за последние десять лет. С прислугой, работавшей в доме нынешним летом, он общался мало, и сначала никто не понимал, почему Салли вообще взяла его в дом. Скорее всего из жалости: стареющий дворецкий вряд ли был в состоянии справляться со своими многочисленными обязанностями, поскольку мог целыми днями не появляться в прихожей, страдая то от ревматизма, то еще от какого-нибудь из многочисленных недугов, на которые вечно жаловался.

Жаловаться вообще было одним из любимых занятий Скрагза. Плохо было все вокруг: больные суставы, погода, обязанности по дому, разгильдяйство слуг, слишком низкое жалованье.

С появлением этого эксцентричного персонажа постоянные посетительницы леди Арбутнотт самым неожиданным образом пришли к выводу, что именно его здесь и не хватало, точно последнего, завершающего штриха к образу особняка. Дамы всем сердцем приняли этого забавного старика и сочли самым ценным приобретением.

– Как сегодня поживает ваш ревматизм, Скрагз? – участливо спросила Августа, развязывая ленты украшенного перьями капора.

– Что-что? – проворчал дворецкий. – Говорите, пожалуйста, громче, если хотите услышать ответ. Не понимаю, почему дамы предпочитают бубнить себе под нос! Пора бы уже научиться говорить более внятно.

– Я спросила, как ваш ревматизм! – громко, едва ли не по слогам, проговорила Августа.

– Благодарю вас, мисс Баллинджер, я ужасно страдаю. Редко бывает хуже. – Скрагз всегда говорил глубоким, каким-то скрежещущим голосом, похожим на скрип гравия под колесами кареты. – Бегать по пятнадцать раз в час к дверям и открывать, скажу вам, дело нелегкое. Эти бесконечные приходы и уходы кого угодно способны свести с ума! Совершенно не понимаю, отчего здешним дамам и пяти минут спокойно на месте не сидится!..

Августа сочувственно улыбнулась и извлекла из своего ридикюля маленькую бутылочку:

– Я принесла лекарство, которое вам, возможно, захочется испробовать. Оно приготовлено по рецепту моей матушки. Она всегда лечила таким деда, и тот говорил, что ему сразу стало значительно лучше.

– Правда? А как сейчас поживает дедушка, мисс Баллинджер? – опасливо осматривая бутылочку, спросил дворецкий.

– Умер несколько лет назад.

Дворецкий нахмурился:

– Осмелюсь спросить, уж не от лекарства ли?

– Дедушке было восемьдесят пять, Скрагз. По слухам, он умер в постели... одной из горничных.

– Неужели правда? – Скрагз принялся рассматривать бутылочку с новым нескрываемым интересом. – В таком случае я немедленно опробую ваше лекарство, мисс Баллинджер.

– Очень вам советую. Ах как бы мне хотелось найти что-нибудь столь же действенное и для леди Арбутнотт! В каком она сегодня настроении, Скрагз?

Кустистые седые брови дворецкого взлетели на лоб, но тут же опустились, в голубых глазах затаилась печаль. Августа всегда восхищалась этими глазами цвета аквамарина, поражающими своей удивительной остротой и молодостью на изборожденном морщинами и обрамленном седыми бакенбардами лице.

– Сегодня, похоже, неплохо, мисс: она с нетерпением ждет вашего визита.

– В таком случае не будем больше заставлять ее ждать. – Августа быстро взглянула на горничную. – Ступайте, Бетси, выпейте чаю с вашими приятельницами на кухне. Я попрошу Скрагза потом позвать вас, когда соберусь уходить.

– Да, мэм.

Бетси вежливо присела и поспешила присоединиться к компании горничных и лакеев, которые сопровождали своих хозяек, явившихся сюда с визитами. На кухне у леди Арбутнотт никогда не было скучно.

Скрагз двинулся к двери в гостиную медленно, явно осторожничая, и походил на старого краба, но все же дверь перед Августой распахнул с достоинством.

Девушка сразу очутилась будто в ином мире. Здесь у нее возникало – пусть всего на несколько часов – ощущение родственной близости, чего ей так не хватало с тех пор, как был убит ее брат. Сэр Томас и Клодия, конечно, изо всех сил старались, чтобы она чувствовала себя как дома, да и сама она старалась убедить их, что так и есть, но на самом деле всегда помнила, что чужая в этой семье. С их суровой серьезностью, привычкой к интеллектуальным

занятиям и размышлениям, столь характерными для гэмпширской ветви Баллинджеров, сэра Томас и Клодия никогда не смогут до конца понять Августу.

Здесь, в гостиной леди Арбутнотт, все было иначе: пусть и не в родном доме, но по крайней мере среди своих.

Клуб «Помпея» был одним из самых модных, своеобразных и закрытых в Лондоне. Членство, разумеется, допускалось лишь по специальному приглашению, и те, кто не входил в число счастливых, имели весьма смутное представление о том, что, собственно, происходит за дверьми гостиной леди Арбутнотт. Неудачники утешали себя мыслью, что хозяйка просто развлекается, устроив еще один модный дамский салон, каких много в Лондоне, однако «Помпея» поражала своим размахом. Клуб был создан по типу мужского, и собирались здесь современно мыслящие представительницы высшего света, обладавшие передовыми взглядами, отличными от общепринятых.

По предложению Августы клуб назвали «Помпея» – в честь той жены Цезаря, что не сумела оказаться выше подозрений и была изгнана. Название устроило всех членов клуба. Все они хоть и принадлежали к знатым семьям, но таких дам в высшем свете обычно считают по меньшей мере оригиналками.

Деятельность «Помпеи» была тщательно продумана и могла соперничать кое в чем с самыми модными мужскими клубами. Что же касается интерьера и царившей здесь атмосферы, то все соответствовало вкусам дам.

Стены теплого желтого оттенка украшали изображения знаменитых представительниц прекрасного пола прежних эпох. На одной стене висел замечательный портрет целительницы Пантии, рядом – великолепно выполненный портрет Эвридики, матери Филиппа II Македонского, в момент освящения ею памятника просвещению. Поэтесса Сафо с лирой в руках в мраморе замерла над камином. Величественное полотно – Клеопатра на египетском троне – украшало дальнюю стену продолговатой гостиной. Были здесь Артемида, Деметра и богиня радуги Ирис в изящных позах.

Мебель вся в классическом стиле: среди мраморных невысоких колонн, что придавало гостиной вид древнегреческого храма, повсюду расставлены тщательно подобранные подставки и урны.

Клуб предоставлял своим членам удобства, не уступающие знаменитым «Уайтсу» и «Бруксу».

В одной из ниш гостиной размещалась уютная комната для чаепитий, в другой – уголок для игры в карты. Поздним вечером членов клуба, любительниц виста или макао, нередко можно было застать за покрытыми зеленым сукном столами в тех же элегантных вечерних туалетах, в каких они приехали сюда с бала.

Игра с высокими ставками здесь не поощрялась. Леди Арбутнотт сразу дала понять, что не желает видеть у себя на пороге разъяренных мужей и выслушивать вопросы, как это их жены умудрились спустить в ее гостиной целое состояние.

В клубе всегда имелось множество свежих газет, в том числе «Таймс» и «Морнинг пост»; можно было заказать холодные закуски, чай, шерри и миндальное печенье.

Августа стремительно вошла в гостиную леди Арбутнотт и сразу же оказалась в приятной теплой атмосфере. Пухленькая светловолосая дама, восседавшая за письменным столом, подняла на нее глаза, и Августа приветливо с ней поздоровалась.

– Как ваши стихи, Люсинда?

С недавних пор все члены клуба мечтали что-нибудь сочинить сами, и, кажется, только Августа избежала зова музыки. Ее вполне устраивало чтение новейших романов.

– Спасибо, прекрасно. Вы сегодня прелестно выглядите. Можем мы надеяться на хорошие новости? – многозначительно улыбнулась ей Люсинда.

– Благодарю вас, и да, вы можете рассчитывать на самые лучшие новости. Просто удивительно, как выходные, проведенные за городом, способны поднять человеку настроение!

– Или спасти репутацию...

– Совершенно верно.

Августа на всех парусах понеслась дальше, к другому концу гостиной, где у камина в креслах расположились две дамы перед маленьким чайным столиком.

Леди Арбутнотт, хозяйка клуба «Помпея», известная всем его членам как просто Салли, укутанная в теплую индийскую шаль поверх элегантного, с длинными рукавами, платья цвета ржавчины, уютно устроилась в кресле у самого огня. С этой стратегически удобной позиции она могла легко руководить всем, что происходило в ее гостиной. Когда-то очаровательная, леди Арбутнотт и сегодня оставалась истинной королевой лондонского света: волосы были высоко зачесаны и уложены в модную прическу, поза, как всегда, отличалась элегантностью и изяществом.

Как вдова богатого виконта Салли могла позволить себе тратить на наряды целое состояние, что частенько и делала, однако теперь никакие шелка и муслины не могли скрыть следы недомогания и болезненную худобу – результат продолжительной болезни, медленно ее убивавшей.

Августа очень страдала из-за ее недуга, понимая, что потерять Салли для нее почти то же самое, что лишиться матери.

Они познакомились в книжном магазине, где покупали книги по истории, и почти сразу подружились. Несмотря на разницу в возрасте, они имели одинаковые вкусы и интересы, обе были весьма эксцентричны и склонны к авантюризму и приключениям. Все это их очень сближало. Августе Салли в какой-то степени заменила мать, а для Салли девушка стала дочерью, которой у нее никогда не было.

Леди Арбутнотт охотно брала на себя роль наставницы Августы во многих делах, помогала стать желанной гостьей великосветских гостиных, что было доступно далеко не каждому. Обладая невероятным количеством связей в высшем свете, Салли с энтузиазмом посвящала Августу в водоворот светских страстей, а достоинства самой Августы лишь усиливали производимое ею впечатление и укрепляли ее позиции.

В течение многих месяцев обе женщины очень весело проводили время в долгих прогулках по Лондону, а потом Салли вдруг начала очень быстро уставать, и довольно скоро выяснилось, что она серьезно больна. Салли практически удалилась от светской жизни, редко покидала особняк, и тогда Августа решила создать клуб «Помпея», чтобы как-то развлечь любимую подругу.

Несмотря на приступы тяжелой болезни, Салли сохранила живое чувство юмора и острый пронизательный ум. Глаза ее радостно вспыхнули, когда, обернувшись, увидела спешившую к ней Августу.

Молодая дама, сидевшая напротив, тоже подняла на нее глаза – темные, тревожные... Розалинда Морисси привлекала мужчин не только как наследница огромного состояния – это была очаровательная леди с рыжевато-каштановыми волосами и соблазнительной фигурой.

– Ах, моя милая Августа, – произнесла Салли с глубочайшим удовлетворением, когда подруга наклонилась и нежно поцеловала ее в щеку. – Я чувствую, ты добилась успеха, не правда ли? Бедняжка Розалинда в последнее время просто места себе не находит. Дай же ей наконец вздохнуть свободно!

– С огромным удовольствием! Вот твой дневник, Розалинда. Правда, не скажу, что с приветом от самого лорда Энфилда, но разве это так уж важно? – И Августа протянула ей маленькую книжицу в кожаном переплете.

– Значит, ты его все-таки нашла! – Розалинда вскочила, схватила дневник и порывисто обняла Августу. – Просто не верится! Господи, какое облегчение! Как же мне отблагодарить тебя? Трудно пришлось? Ты подвергалась опасности? А Энфилд знает, что ты взяла его?

– Дело в том, что не все прошло по намеченному плану, – сообщила Августа, усаживаясь напротив Салли. – И по-моему, нам следует это немедленно обсудить.

– Что же не удалось? – удивилась та. – Тебя кто-то заподозрил?

Августа наморщила носик:

– Мало того, меня застукали на месте преступления! Лорд Грейстоун, конечно, кто же еще! Ну разве могло мне прийти в голову, что он в полночь будет слоняться по дому? Вероятно, он трудился над очередным научным трактатом о каком-нибудь замшелом древнем греке и только поэтому еще не лег спать. И само собой разумеется, он, как всегда преисполненный ледяной вежливости, подкрался и сунул нос в библиотеку именно в тот момент, когда я стояла на коленях у письменного стола Энфилда.

– Грейстоун! О господи! – Розалинда съежилась в кресле с выражением ужаса на лице. – Какой кошмарный тип! Значит, он видел тебя? И мой дневник тоже?

Августа покачала головой, пытаясь ее успокоить:

– Не волнуйся, Розалинда. Он не понял, что это твой дневник, хотя действительно обнаружил меня в библиотеке. – Она повернулась и мрачно посмотрела на Салли. – Должна заметить, его появление выглядело чрезвычайно загадочно. Он явно знал, что я окажусь в библиотеке и буду что-то искать в письменном столе: во всяком случае, мгновенно извлек из кармана тонкую проволоку и открыл запертый ящик, – но назвать источник столь пикантных сведений обо мне наотрез отказался.

Розалинда прижала пальцы к губам, ее темные глаза были полны тревоги.

– Боже мой, неужели среди нас есть шпионы?

Салли постаралась успокоить подруг:

– Я совершенно уверена, что беспокоиться не о чем. Мы давно знакомы с графом: особняк Грейстоуна находится по соседству. К тому же могу сослаться на собственный опыт: он почти всегда располагал прямо-таки невероятными сведениями обо всем на свете.

– Он дал слово, что никому не расскажет о случившемся, и мне почему-то хочется ему верить, – медленно проговорила Августа. – В последнее время Грейстоун очень дружен с моим дядюшкой – ты же знаешь, Салли. И по-моему, он считал, что делает сэру Томасу одолжение, приглядывая за мной у Энфилда.

– Да, пожалуй. Впрочем, надо признать, что Грейстоун умеет держать язык за зубами. И верить ему, безусловно, можно, – легко согласилась Салли.

– Вы в этом уверены? – с беспокойством посмотрела на нее Розалинда.

– Абсолютно. – Салли поднесла к бледным губам чашку, сделала глоток и, решительно отодвинула чашку и блюдо на краешек столика. – Полагаю, мои храбрые подруги, нам удастся успешно завершить предпринятую операцию – как благодаря смелости Августы, так и благодаря моей привычке никогда не выбрасывать приглашения на приемы... Леди Энфилд, в конце концов, кое-чем мне обязана, но я, видимо, должна поспешить и воспользоваться своей привилегией.

– По-моему, я догадываюсь, что ты собираешься ей сказать, – шепнула Августа, наливая себе чаю. – Хотя в этом нет никакой необходимости. Ведь не только лорд Грейстоун извлек для себя пользу из сложившейся ситуации и счел вполне допустимым прочесть мне скучнейшую нотацию, но, уверяю тебя, я и сама извлекла урок из печальной помолвки бедняжки Розалинды. Во всяком случае, я никогда больше не стану записывать в дневник ничего такого, что могло бы потом быть обращено против меня.

– Ох, и я тоже – никогда! – Розалинда Морисси изо всех сил прижала дневник к груди. – Какое же он отвратительное чудовище!

– Кто, Энфилд? – мрачно усмехнулась Салли. – Да, он определенно ведет себя как негодяй, когда дело касается женщин. Впрочем, так было всегда. Хотя никто не решится оспаривать тот факт, что во время войны он храбро сражался.

– И все равно не понимаю, что я в нем нашла! – воскликнула Розалинда. – Куда приятнее, например, общество лорда Лавджоя. Кстати, что вы скажете о нем, Салли? У вас всегда самые свежие новости, несмотря на то что вы так редко покидаете свой замечательный особняк.

– Да, вы правы, мне не нужно далеко ходить, чтобы узнать последние сплетни, – улыбнулась Салли. – Рано или поздно все они сами приплывают к дверям «Помпеи». Что же касается Лавджоя, то я лишь недавно услышала о его чарах. И как мне говорили, чары эти уже не раз применялись. – Она взглянула на Августу. – Не так ли, дорогая?

– Пожалуй. На прошлой неделе я танцевала с ним у Лофенбери. – Августа вспомнила смеющегося рыжеволосого барона Лавджоя с блестящими зелеными глазами. – Должна заметить, что танцевать с ним вальс было в высшей степени приятно. И насколько я поняла, он скрывает какую-то тайну. Судя по всему, мало кто осведомлен о его жизни.

– По-моему, он последний в роду. Помнится, говорили что-то насчет его богатых имений в Норфолке. – Салли поджала губы. – Однако понятия не имею, какой доход приносят эти владения. Будьте предельно осторожны, Розалинда, иначе снова угодите в лапы охотнику за приданым.

Розалинда застонала:

– Ну почему все привлекательные мужчины страдают столь ужасными недостатками?

– Иногда бывает и наоборот, – вздохнула Августа. – Случается, привлекательный джентльмен первым обнаруживает массу недостатков в даме, которая, к несчастью, довольно сильно им увлечена...

– Мы снова обсуждаем Грейстоуна? – Салли проницательно посмотрела на Августу.

– Боюсь, что да, – вздохнула та. – А знаете, он просто взял и признался мне, что у него действительно есть список невест, которых он примеряет на роль будущей графини Грейстоун.

Розалинда с мрачным видом кивнула:

– Я тоже слышала об этом списке. Кто бы в нем ни значился, любая из них в конце концов поймет, что почти невозможно жить в соответствии с установленными им законами и правилами. Его жена Кэтрин умерла при родах в первый же год их брака, однако успела произвести на Грейстоуна поистине неизгладимое впечатление своими добродетелями.

– Наверное, она была само совершенство? – поинтересовалась Августа.

– Да, образцовая жена... или что-то в этом роде. – И Розалинда состроила гримаску. – Кого хочешь спроси. Моя мать хорошо знала эту семью и частенько приводила Кэтрин мне в пример. Я тоже встречалась с ней пару раз, еще в пору девичества, и, признаться, она показалась мне весьма самодовольной и скучной. Правда, это была настоящая красавица: похожа на Мадонну одного из знаменитых итальянских художников.

– Говорят, добродетельная жена дороже всех бриллиантов на свете, – шепнула Салли. – Но большинству мужчин это, в конце концов, приедается, как и совершенная красота. Так что, вполне возможно, у Грейстоуна уже изменились требования к супруге.

– О, совершенно определенно – нет! – заверила ее Августа. – Если подумать серьезно, становится ясно: он был бы несносным мужем для кого-то наподобие меня, с непредсказуемым и свободным нравом.

– А если подумать не очень серьезно?.. – легонько поддразнила ее Салли.

Августа нахмурилась:

– В наиболее мрачные минуты своей жизни я подумываю даже о том, чтобы серьезнейшим образом заняться изучением трудов Геродота и Тацита, забыть все свои статьи о правах женщин и заказать новый гардероб, где будут исключительно темные платья с воротни-

ком-стойкой. Но знаешь что обнаружила? Стоит мне выпить чашку чаю и несколько минут отдохнуть, приступ подобного безумия быстро проходит и я снова становлюсь сама собой.

– О господи! Надеюсь, все обстоит именно так. Я просто не способна вообразить тебя в роли добродетельной жены.

И Салли так громко рассмеялась, что смех ее привлек внимание всех присутствующих к дружной троице, восседавшей за чаепитием у камина. Дамы из клуба «Помпея» понимающе улыбались друг другу: так приятно было видеть хозяйку дома веселой.

Скрагз, заглянув в приоткрытую дверь гостиной, несомненно, тоже обрадовался смеху Салли. Случайно посмотрев в ту сторону, Августа заметила, как он наблюдает за своей хозяйкой из-под густых нависших бровей, и подумала, какое у него странное и печальное выражение лица.

Вдруг его удивительно яркие голубые глаза встретились с глазами Августы, он понимающе покивал ей и отвернулся. Она с изумлением поняла, что Скрагз молча благодарит ее за подаренную его хозяйке возможность так радостно смеяться.

Через несколько минут, покидая клуб, Августа чуть задержалась, чтобы заглянуть в книгу для записи заключенных пари, лежавшую у окна на невысокой подставке в ионическом стиле, и прочитала: «Мисс Л. С. поставила против мисс Д. П. десять фунтов, полагая, что лорд Грейстоун попросит руки небезызвестного Ангелочка еще до конца месяца».

В течение двух последующих часов Августа находилась в состоянии необычайного раздражения.

– Клянусь тебе, Гарри, на сей счет даже заключено пари, о чем сделана запись в книге клуба «Помпея». Забавно! – Питер Шелдрейк с томным изяществом потянулся, устраиваясь в кожаном кресле, и посмотрел на Грейстоуна поверх своего бокала с портвейном.

– Очень мило, что ты находишь это забавным. Лично я ничего забавного не вижу. – Гарри отложил гусяное перо и тоже взял бокал.

– Ну еще бы! – усмехнулся Питер. – В конце концов, ты почти ничего забавного не находишь и в своем способе подыскивать себе невесту. Да в каждом лондонском клубе заключают пари по этому поводу! Ничего удивительного, что и в «Помпее» тоже. Ты же знаешь: Салли и все те эксцентричные особы, которых она коллекционирует, изо всех сил стараются не отставать от мужчин. Так это правда?

– Что именно? – Гарри в бешенстве обернулся к своему молодому собеседнику.

Питер Шелдрейк явно скучал. Что ж, весьма распространенный недуг среди джентльменов высшего света, особенно среди тех, кто, подобно Питеру, провел последние несколько лет в Европе, ввязавшись в опасные военные игры с Наполеоном.

– Не морочь мне голову, Грейстоун. Ты действительно собираешься просить у сэра Томаса разрешения на помолвку с его дочерью? – терпеливо уточнил свой вопрос Питер. – Да ладно тебе, Гарри! Ну хотя бы намекни, а? Мне ведь тоже хочется использовать обстоятельства в свою пользу. Ты же знаешь, мне и дела нет до этих пари... – Он помолчал и снова усмехнулся. – Нет, ну надо же: пари, да еще по такому поводу!

А Гарри как раз обдумывал сам повод.

– По-твоему, Клодия Баллинджер могла бы стать достойной графиней Грейстоун?

– О господи! Конечно, нет, приятель, нет! Если говорить об Ангелочке – это же сама добродетель! Образец. Эталон. И, честное слово, так похожа на тебя! Соединившись в браке, вы только усилите худшие качества друг друга и самое большее через месяц после свадьбы поймете, что уже осточертели друг другу! Поинтересуйся у Салли, если мне не веришь: она, между прочим, со мной согласна.

Гарри вскинул брови:

– В отличие от тебя мне вовсе не требуются бесконечные приключения. И я определенно не желаю заполучить в жены искательницу таковых.

– Вот здесь-то ты и заблуждаешься, друг мой. Я проанализировал положение вещей весьма серьезно и смею предположить, что тебе как раз и нужна такая: живая, склонная к авантюрам.

Питер резко поднялся на ноги и прошел к окну. Закатное солнце вспыхивало в его искусно причесанных светлых волосах, высвечивало красивый изящный профиль. Он, как всегда, был одет по последней моде. Элегантно повязанный галстук, отглаженная и туго накрахмаленная сорочка с защипами прекрасно дополняли его безупречно скроенный сюртук и плотно облегающие бриджи.

– Это тебе все не сидится на месте и хочется получать встряску за встряской, Шелдрейк, – спокойно заметил Гарри. – Это ты умираешь от скуки с тех пор, как вернулся в Лондон, и слишком много времени уделяешь своим туалетам, слишком много пьешь и играешь.

– Зато ты похоронил себя в этом кабинете среди древних греков и римлян! Признайся, Гарри, ты ведь тоже скучаешь по той жизни, какую мы вели на континенте?

– Ничуть. К счастью, я действительно очень увлечен историей Древнего мира. И что бы там ни было, Наполеон наконец-то убрался с нашего пути, так что теперь у меня есть кое-какие дела и здесь, в Англии.

– Ну конечно!.. Ты должен присматривать за своими поместьями, исполнять свой долг перед титулом. Что же, честь тебе и хвала! Да, вот еще что: ты должен жениться и произвести на свет наследника. – Питер одним глотком допил вино.

– Между прочим, не только у меня имеются кое-какие обязанности, – многозначительно произнес Гарри, но Питер сделал вид, что не услышал намека.

– Ради бога, перестань! Ты же считался лучшим в разведке Веллингтона! Под твоим началом служили десятки агентов, в том числе и я, которые добывали для тебя самые разные сведения. Ты разработал шифры, оказавшиеся не по зубам лучшим дешифровальщикам Франции. Ты не раз рисковал не только своей головой, но и моей, чтобы добыть карты, необходимые для проведения самых важных сражений на полуострове. И не говори мне, что не скучаешь по всему этому!

– Знаешь, я предпочитаю расшифровывать тексты на латыни и греческом, а не военные донесения, написанные симпатическими чернилами. Уверяю тебя: я нахожу истории Тацита куда более вдохновляющими, чем плоды трудов французских шпионов.

– Но подумай о том душевном трепете и подъеме, о той опасности, подстерегавшей тебя каждый день в течение нескольких лет! Подумай о той смертельной игре, которую ты вел со своим главным противником по прозвищу Паук. Как ты можешь не тосковать, вспоминая об этом?

– Единственные мои сожаления связаны с Пауком, – пожал плечами Гарри. – Нам так и не удалось сорвать с него маску и заставить предстать перед лицом закона. Что же до трепета, то он мне, право же, не знаком; поверь, задания, которые я выполнял, всегда воспринимались мною как тяжелое, хотя и необходимое бремя.

– Но выполнял ты их с блеском!

– Я просто старался решать поставленные передо мной задачи самым эффективным способом. Но война закончена и больше пока не предвидится, по крайней мере в обозримом будущем, а вот ты все никак не успокоишься: мало тебе экстрима в жизни, все нервы пощекотать хочется. И, надо сказать, возможности для этого ты стараешься отыскать в самых неподходящих местах. Неужели должность дворецкого – предел твоих мечтаний?

Питер состроил Грейстоуну гримасу, и его голубые глаза сверкнули лукавым весельем.

– В роли Скразга, конечно, трепета маловато: во всяком случае такого, какой испытываешь, соблазняя жену французского офицера или похищая секретные документы, – однако и

здесь есть свои прелести. Но самое большое утешение для меня – видеть, как радуется Салли. Боюсь, ей недолго осталось, Гарри.

– Знаю. Удивительная женщина! Сведения, которые она сумела добыть во время войны на приемах в Англии, оказались поистине бесценными. Она ведь отчаянно рисковала.

Питер кивнул, взгляд его стал задумчивым.

– Салли всегда обожала интриги. Так же как и я. У нас с ней много общего, и мне даже приятно охранять вход в ее драгоценный клуб. «Помпея» сейчас самое важное в ее жизни. Клуб приносит ей такое удовольствие! Кстати, при случае поблагодари за его создание свою юную приятельницу, этого сорванца в юбке.

Гарри сурово поджал губы:

– Да, Салли говорила, что легкомысленная идея создать дамский клуб по образу и подобию мужского целиком и полностью принадлежит Августе Баллинджер. И почему-то меня это вовсе не удивило.

– Ха! Это бы не удивило никого из тех, кто знаком с Августой Баллинджер. Вокруг нее вечно что-то происходит, ты же знаешь.

– К сожалению, да, отлично знаю.

– Хотя я убежден, что мисс Баллинджер пришла к мысли о клубе исключительно из желания развлечь Салли... – Питер задумался. – Мисс Баллинджер очень добра. Даже с прислугой. Сегодня, например, она принесла мне лекарство от ревматизма. Мало кто из великосветских дам стал бы утруждать себя заботой о каком-то дворецком.

– Для меня новость, что ты страдаешь ревматизмом, – сухо заметил Гарри.

– Я-то нет, а вот бедняга Скрагз – да.

– Ты только уж, будь добр, последи, чтобы в «Помпею» не пробрался кто-нибудь посторонний, Шелдрейк. Очень бы не хотелось, чтобы про мисс Баллинджер начали сплетничать.

Питер изумленно вздернул бровь:

– Ты беспокоишься о ее репутации, потому что дружен с сэром Томасом?

– Не только. – Гарри помолчал, рассеянно повертел в руках гусиное перо и тихо добавил: – У меня есть и другая причина постараться уберечь ее от скандала.

– Ага! Я так и знал! – Питер грохнул пустым бокалом о полированную поверхность стола и с торжеством в голосе воскликнул: – Значит, ты все-таки намерен последовать нашему с Салли совету и включить Августу Баллинджер в свой список? Ну согласись! И голову даю на отсечение, что она вскоре вытеснит всех остальных!

– Просто поразительно, до чего весь Лондон озабочен моими матримониальными планами!

– Это только потому, что вы, граф, избрали столь необычный способ выбора жены! Все слышали об этом списке, как и о требованиях к претенденткам. Я же говорил: по всему городу заключаются пари.

– Да-да, я помню... – Гарри сосредоточенно изучал содержимое своего бокала. – А какое именно пари заключили в «Помпее»?

– Десять фунтов, что ты до конца месяца попросишь руки Ангелочка.

– Вообще-то я собирался просить руки мисс Баллинджер прямо сегодня.

– Черт тебя побери! – Питер был явно потрясен. – Мисс Баллинджер! Но уж конечно не Клодии! Тебе наверняка кажется, что именно она могла бы стать превосходной графиней Грейстоун, однако поверь: дама с крылышками и нимбом вокруг головы не совсем то, что тебе нужно, – да и нашему Ангелочку нужен совсем другой муж, так что не глупи, Гарри.

Грейстоун поднял брови:

– А ты когда-нибудь видел меня в этой роли?

Питер прищурился, потом на лице его медленно расплылась улыбка.

– Нет, милорд, никогда! Значит, вот как обстоят дела? Что ж, превосходно! Просто превосходно! Ты ни о чем не пожалеешь.

– Я совсем не уверен в этом, – печально возразил Гарри.

– Ну хорошо, скажем так: тебе по крайней мере никогда не придется скучать. И ты действительно сегодня намерен сделать Августе предложение?

– О господи, нет! Я собираюсь просить ее руки у сэра Томаса.

На мгновение Питер смешался.

– Но как же Августа? Мне кажется, в первую очередь тебе нужно спросить у нее самой, не так ли? Ей уже двадцать четыре, и у нее давно нет гувернантки.

– Мы с тобой, помнится, пришли к согласию, что роль глупца не для меня. Так вот: я вовсе не намерен отдавать решение столь серьезного вопроса в руки представительницы нортумберлендской ветви Баллинджеров.

Питер как будто снова смутился, потом лицо его просветлело и он расхохотался:

– Я наконец понял! Желаю удачи, приятель. А теперь прошу прощения, но я должен заглянуть в два-три клуба – хотелось бы успеть кое с кем заключить пари. Полагаю, ты не заметишь в этом государственной измены?

– Нет, конечно, – пожал плечами Гарри, прекрасно знавший, как много порой зависит от успешной разведки.

В тот же день, в три часа, дворецкий проводил Гарри в библиотеку сэра Томаса Баллинджера.

Сэр Томас, человек весьма энергичный, несмотря на то что всю жизнь занимался исключительно классической филологией, сохранил и крепость мускулов, и сильные широкие плечи, но некогда светлые густые волосы посеребрила седина, а на макушке уже проглядывала лысина. Его отлично подстриженные пышные бакенбарды были совершенно седыми, а на носу красовались очки, которые он снял, завидев входившего Гарри, и радостно ему улыбнулся:

– Ах как хорошо, что вы пришли, Грейстоун! Садитесь, пожалуйста. Я как раз собирался к вам ехать: наткнулся на перевод довольно любопытной французской работы, посвященной Цезарю. Надеюсь, вам она тоже понравится.

Гарри улыбнулся и, пододвинув одно из кресел, устроился напротив сэра Томаса у камина.

– Не сомневаюсь, сэр Томас, однако давайте отложим обсуждение этой темы до следующей встречи. Сегодня я пришел к вам совсем по иному поводу.

– Вот как? – Джентльмен с интересом посмотрел на гостя и разлил по бокалам бренди. – И что же это за повод, позвольте узнать?

Гарри привстал, принимая бокал, потом опять опустился в кресло и какое-то время молча смотрел на хозяина дома.

– Кое в чем, сэр, мы с вами весьма старомодны – так, по крайней мере, утверждают многие...

– Ну, знаете, в старомодности тоже есть свои привлекательные стороны. Давайте-ка выпьем за старомодных древних греков и римлян. – Сэр Томас поднял бокал.

– Хорошо, давайте за них. – Гарри пригубил бренди и отставил бокал. – Я пришел просить у вас руки мисс Баллинджер.

Пышные брови сэра Томаса поползли вверх, в глазах появилось некое недоумение.

– А сама мисс Баллинджер знает о ваших намерениях?

– Нет, сэр, с ней я еще данный вопрос не обсуждал. Как уже было сказано, я во многих отношениях весьма старомоден и сначала хотел получить одобрение с вашей стороны, а уже потом предпринимать дальнейшие шаги.

– Разумеется, я отвечу «да», милорд! И вы поступили совершенно правильно. Надеюсь, все формальности будут улажены, и я с радостью дам разрешение на этот брак. Клодия умная серьезная девушка, если мне позволительно самому давать о ней подобные отзывы, прекрасно воспитанная. Умение вести себя как истинная леди она унаследовала от матери, знаете ли. Она даже пытается писать книгу, как в свое время моя покойная жена. Вам, конечно же, известно, что она писала книги и брошюры для девушек и была довольно популярна, о чем мне особенно приятно сообщить.

– Да... я осведомлен о блестящих успехах леди Баллинджер на преподавательской стезе, сэр Томас, ее книги есть и у моей дочери, однако...

– Нисколько не сомневаюсь, что Клодия станет для вас замечательной женой и достойной графиней Грейстоун, ну а я буду чрезвычайно рад тому обстоятельству, что вы войдете в нашу семью! – восторженно перебил его сэр Томас.

– Благодарю вас, но я намеревался просить у вас руки не мисс Клодии, хотя ваша дочь, безусловно, совершенно очаровательна.

Хозяин дома изумленно уставился на него:

– О чем вы, милорд? Но... не хотите же вы сказать... не может быть, чтобы...

– Да, вы правы: я намерен жениться на мисс Августе, если, разумеется, она захочет за меня выйти.

– Значит, Августа! – Глаза сэра Томаса едва не выкатились из орбит.

Бедняга залпом допил бренди, поперхнулся, лицо его побагровело, и он долго кашлял, хрипел, фыркал и махал руками, словно никак не мог решить, смеяться ему или плакать.

Гарри спокойно поднялся, подошел к хозяину дома и похлопал по спине:

– Мне понятна ваша реакция, сэр: для вас это действительно несколько неожиданно. Я и сам реагировал примерно так же, когда впервые понял, что со мной происходит, но теперь уже вполне свыкся с этой мыслью.

– Значит, Августа?

– Да, именно так. Вы ведь согласны, правда?

– Разумеется! – мгновенно пришел в себя сэр Томас. – Господи, да лучшего предложения и ждать не приходится – в ее-то возрасте!

– Совершенно верно, – согласился Гарри. – Ну а теперь, поскольку, как мне кажется, мы наконец говорим определенно об Августе, а не о Клодии, следует допустить и такую возможность, что на предложение выйти замуж она ответит... несколько непредсказуемым образом...

– О да, черт побери! – Сэр Томас помрачнел. – К сожалению, непредсказуемость в крови у нортумберлендских Баллинджеров. И это одно из самых отталкивающих качеств Августы, но, к сожалению, не единственное.

– Да, и учитывая особенности ее характера, думаю, будет лучше, если мы лишим ее возможности принимать решение, а поставим перед фактом. Вы меня понимаете?

Сэр Томас метнул на Грейстоуна пронзительный взгляд из-под густых бровей:

– Не значит ли это, что вы, милорд, желаете немедленно подписать все бумаги, то есть еще до того, как сделаете предложение моей племяннице?

Гарри кивнул:

– Именно так, сэр. Как я уже говорил, это гораздо разумнее.

– И вы правы, Грейстоун! – заявил сэр Томас с едва ли не благоговейным восхищением. – Замечательно придумано! Гениально!

– Благодарю вас, однако у меня есть опасения, что все не так просто. Что-то мне подсказывает: чтобы опережать Августу хотя бы на шаг, потребуется ум, выдержка, находчивость и сила духа.

## Глава 3

– И вы дали объявление в газеты? Дядя Томас, нет, я не могу поверить! Это же просто катастрофа! Совершенно очевидно, произошла чудовищная ошибка!

У Августы голова шла кругом от неожиданного удара, который нанес ей дядюшка, сообщив, что разослал в редакции газет объявления о ее помолвке с Грейстоуном. Она в слепой ярости металась по библиотеке и, гневно сдвинув брови, тщетно пыталась придумать, как теперь выпутаться из столь щекотливого положения.

Она только что вошла в дом после прогулки верхом по парку и еще не успела снять яркую, цвета рубина, новую амазонку, обшитую на манер позумента золотой тесьмой. Подобранная в том же стиле шляпка с пышным красным пером и изящные серые кожаные сапожки дополнили образ воинственной леди. Едва слуга доложил, что сэр Томас желает сообщить ей что-то важное, как Августа сразу же помчалась в библиотеку.

И как оказалось, лишь для того, чтобы узнать: вся ее жизнь разрушена.

– Как вы могли так поступить со мной, дядя Томас? Как вы могли совершить непрости- тельную ошибку?

– А по-моему, никакой ошибки тут нет, – рассеянно пожал плечами опекун и, не вставая с кресла, тут же опять уткнулся в книгу, которую читал до ее прихода. – Грейстоун, как мне показалось, прекрасно знает, чего хочет.

– Нет, это просто невозможно! Герцог никогда не сделал бы предложения мне! – Августа металась по библиотеке, тщетно пытаясь успокоиться и осмыслить ситуацию. – Это же совершенно очевидно: он просил руки Клодии, а вы его просто не так поняли.

– Не думаю. – Сэр Томас еще глубже зарылся в свою книгу.

– Ах, дядя, дядя! Вы же знаете, что порой бываете ужасно рассеянным: даже путаете наши с Клодией имена, – особенно когда работаете над очередной рукописью, вот как сейчас.

– А чего же вы хотите? Вас обеих назвали в честь римских императоров, – заявил сэр Томас, точно это могло извинить его рассеянность. – Вполне естественно, что я мог и перепутать.

Августа застонала, поскольку хорошо знала своего дядюшку: если его мысли в данный момент занимают любимые древние греки и римляне, привлечь его внимание к чему-либо другому совершенно невозможно. Без сомнения, бедный дядюшка был точно так же погружен в свои исследования, когда к нему явился Грейстоун, а потому ничего удивительного, что все перепутал!

– Не могу поверить, что вы решились на этот шаг, который чудовищным образом изменит всю мою жизнь, и при этом даже не посоветовались со мной!

– Он будет тебе надежным мужем, Августа.

– Но мне не нужен муж и уж тем более надежный! И что, черт побери, все это значит? Ха, надежный! Это лошадь может быть надежной.

– Дело в том, моя девочка, что вряд ли ты дождешься лучшего предложения.

– Наверное, вы правы. Но как вы не понимаете: предложение Грейстоуна адресовано вовсе не мне! Я в этом уверена. – Августа вихрем пронеслась по библиотеке, так что подол рубиновой амазонки хлестанул по серым сапожкам. – Ах, дядюшка, я вовсе не хотела проявить бестактность! Господь свидетель: вы всегда были добры ко мне, щедры и все прочее, за что я очень вам благодарна, – но вы должны знать, что...

– Так ведь и я не меньше благодарен тебе, моя дорогая! Ты столько сделала для Клодии! Тебе удалось наконец выманить ее из раковины, ты сумела маленького серого мышонка превратить в королеву лондонского сезона. Ее мать так гордилась бы ею!

– Пустяки! Клодия красавица, можно сказать – само совершенство. Ей просто нужен был совет в отношении того, как правильно одеваться и вести себя в высшем свете...

– И ты справилась с этим наилучшим образом!

– Это у меня от матушки, – пожалала плечами Августа. – Она сама очень любила светские развлечения и многому научила меня. Кроме того, большая заслуга в этом и леди Арбутнотт, которая знакома в высшем обществе буквально со всеми. Так что вам не стоит приписывать успех Клодии исключительно мне одной. Я прекрасно понимаю: вы предложили позаботиться о Клодии, потому что хотели помочь мне самой избавиться от тоски и меланхолии. Как это мило с вашей стороны. Нет, правда, вы очень добры, дядюшка!

– Насколько мне помнится, – изумленно проворчал сэр Томас, – я просто попросил тебя пойти вместе с Клодией на какой-то бал, но ты сразу взяла всю ответственность за нее на себя. Чтобы решить ее судьбу, ты даже разработала некий план. А уж если тебе что-то втемяшится, дорогая, то в любом случае ты доведешь дело до конца.

– Благодарю вас, дядюшка, но давайте вернемся к Грейстоуну. Я вынуждена настаивать...

– Успокойся, не стоит так волноваться. Как я уже сказал, Грейстоун будет тебе надежным мужем. Он прочен как скала, умен и богат. Чего ж еще можно желать?

– Ну как вы не понимаете!..

– Ты просто не привыкла к этой мысли и воспринимаешь случившееся чересчур эмоционально. Представители нортумберлендской ветви нашего семейства всегда отличались излишней чувствительностью.

Августа в полном отчаянии уставилась на дядю, а потом, выбежав из библиотеки, разразилась слезами.

Позднее, вечером того же дня, Августа все еще пребывала в отчаянии, поэтому на очередной прием собиралась с мрачным видом, хотя уже не плакала и даже с гордостью отметила про себя, что вполне успокоилась и рвется в бой, не желая больше предаваться горестным эмоциям.

Клодия, с кротким состраданием наблюдавшая за хмурым лицом Августы, поднялась, с природным изяществом налила две чашки чаю и с ободряющей улыбкой подала одну кухне:

– Успокойся, Августа. Все будет хорошо.

– Как, черт побери, все может быть хорошо, если совершена такая ужасная ошибка? Господи, Клодия, неужели и ты не понимаешь? Случилась беда! Дядя Томас так обрадовался, что сразу, не подумав, разослал объявления в газеты, и завтра утром мы с Грейстоуном прочтем о нашей официальной помолвке. И у него уже не будет возможности с честью выпутаться из этой истории.

– Я понимаю.

– И ты сидишь здесь и преспокойно разливаешь чай, будто ничего не произошло? – Августа со стуком поставила чашку на стол и, вскочив, вихрем пронеслась по комнате, потом начала мерить ее шагами, глядя в пол и сурово сдвинув темные брови.

Впервые Августа даже не заметила, какое на ней платье. Она была настолько поглощена случившимся, что оказалась не в состоянии сосредоточиться на таком, обычно чрезвычайно приятном, занятии, как выбор туалета. Ее горничная Бетси сама выбрала для нее розовое вечернее платье с весьма смелым вырезом, по краю которого были нашиты крошечные розочки из атласа, подобрала к платью и подходящие атласные туфельки, и длинные, до локтя, перчатки и уложила густые темно-каштановые волосы госпожи в высокую греческую прическу, которая, к несчастью, изрядно растрепалась, пока Августа металась по комнате.

– Я все же не пойму, из-за чего ты, собственно, так разволновалась, – пробормотала Клодия. – По-моему, Грейстоун тебе нравился, а в последнее время все больше и больше.

– Ну, знаешь, это уж слишком!

– Хорошо, Августа, успокойся, только вот даже папа заметил, что ты равнодушна к графу, и на днях что-то говорил по этому поводу.

– Я всего лишь попросила у него одно из недавних исследований Грейстоуна, посвященное этим замшелым римлянам. Вряд ли такой интерес можно назвать признаком сердечного расположения.

– Что ж, но как бы там ни было, я ничуть не удивлена, что папа сразу принял предложение Грейстоуна на твой счет. Он полагал, что ты обрадуешься, что было бы неудивительно: согласишься, прекрасная партия для тебя, Августа! С твоей стороны глупо это отрицать.

Девушка перестала метаться по комнате и посмотрела на кузину в полном недоумении:

– Ты что, не понимаешь? Произошла ошибка! Грейстоун никогда в жизни не стал бы просить моей руки, проживи он хоть миллион лет! Он считает, что я настоящая сорвиголова, никуда не годная невоспитанная девчонка, которая вечно балансирует на грани какого-нибудь кошмарного скандала. Я никак не гожусь на роль графини, с его точки зрения, и, надо признать, он совершенно прав.

– Чепуха. Из тебя получилась бы замечательная графиня! – воскликнула Клодия.

– Спасибо, но ты заблуждаешься. – Августа даже застонала от раздражения. – Грейстоун уже был женат и считал свою жену идеально подходившей для роли графини – во всяком случае, так говорят, – и у меня нет ни малейшего желания всю оставшуюся жизнь подражать своей предшественнице.

– Ах да! Он был женат на Кэтрин Монтроуз, верно? Помню, мама говорила, что она свято верила всему, что было написано в пособиях для девочек, по которым воспитывалась.

– А моя мама всегда утверждала, что Кэтрин Монтроуз – прекрасный пример благотворного воздействия ее методических трудов на юные девичьи души.

Подойдя к окну, Августа рассеянно оглядела сад, раскинувшийся вокруг их городского особняка.

– У нас с Грейстоуном нет абсолютно ничего общего. По всем современным вопросам наши мнения расходятся. Надеюсь, тебе известно, что ему глубоко отвратительны независимые и свободолюбивые женщины. Граф дал мне это понять совершенно ясно. А ведь он даже не догадывается, чем еще я занимаюсь, иначе, мягко говоря, не обрадовался бы.

– Не думаю, чтобы лорд Грейстоун расстраивался по какому-либо поводу. И в любом случае уверена, что ты ведешь себя достойно, чем бы ни занималась.

Августа поморщилась:

– Ты слишком великодушна, дорогая. Поверь: совершенно исключено, чтобы Грейстоун пожелал сделать мне предложение!

– Но тогда почему же он просил твоей руки?

– Он ее и не просил, – мрачно заявила Августа. – Я просто уверена, что он имел в виду не меня: произошла чудовищная ошибка. Он, несомненно, просил твоей руки.

– Моей? – Чашка в руках Клодии звякнула. – О господи! Вот это точно невозможно!

– Как раз наоборот. – Августа сосредоточенно нахмурилась. – Я много думала, и теперь вполне ясно представляю, как подобная ошибка могла произойти. Грейстоун явился сюда сегодня днем и, разумеется, попросил руки мисс Баллинджер. Вот дядя Томас и решил, что граф имеет в виду меня, поскольку из нас двоих я старшая.

– Ну, знаешь, Августа, я, право, сомневаюсь, что папа настолько рассеян!

– Ну, это-то как раз возможно. Ты же знаешь, дядя Томас вечно путает нас с тобой. Только вспомни, сколько раз он меня называл Клодией. Он порой настолько погружается в свои исследования, что вообще о нас забывает.

– Ну, это случается не так уж часто...

– Однако, согласишься, все же случилось, – не унималась Августа. – А при сложившихся обстоятельствах, когда он, без сомнения, очень хотел наконец выдать меня замуж, в этом нет ничего удивительного. Бедный Грейстоун!

– Бедный Грейстоун? Да нет, скорее весьма богатый. По-моему, у него имения в Дорсете...

– Я говорю не о его финансовом положении, – нетерпеливо оборвала ее Августа. – Дело в том, что завтра он прочтет в газетах объявление о помолвке и, почувствовав себя пойманным в ловушку, придет в ужас. Нет, надо немедленно что-то предпринять!

– Но что здесь можно поделать? Уже почти девять, и через несколько минут мы отправляемся на прием к Бентли.

Августа с мрачной решимостью стиснула зубы:

– Я должна ненадолго заглянуть к леди Арбутнотт.

– Ты что, опять поедешь в «Помпею»? – В голосе Клодии слышался слабый упрек.

– Да. Не хочешь ли поехать со мной?

Августа уже не раз предлагала это Клодии, поэтому знала, каков будет ответ.

– О господи, нет! Уже одно название вашего клуба должно настораживать. Ну надо же: «Помпея»! Не слишком прилично вела себя дамочка! Нет, Августа, на мой взгляд, ты слишком много времени проводишь в этом своем клубе.

– Клодия, пожалуйста, давай сегодня обойдемся без нотаций.

– Я знаю, как ты привязана к леди Арбутнотт, любишь бывать там, но тем не менее действительно подумываю, не повлиял ли образ Помпеи на пробуждение в твоей крови определенных черт нортумберлендских Баллинджеров. Тебе бы следовало как-то подавлять неуместные всплески импульсивности и безрассудства, особенно теперь, когда ты уже почти графиня Грейстоун.

Августа, прищурившись, посмотрела на очаровательную кузину. Временами Клодия удивительно напоминала свою мать – этакая воскресшая леди Пруденция Баллинджер.

Леди Пруденция, тетушка Августы, написала несколько популярных воспитательных книг для девочек. Назывались они примерно так: «Советы юным леди о правилах поведения в обществе», «Руководство по развитию способностей у юных леди». Клодия явно намеревалась последовать примеру своей знаменитой матушки и добросовестно работала над рукописью «Путеводитель по стране полезных знаний для юных леди».

– Скажи-ка, Клодия, – медленно проговорила Августа, – а если мне удастся вовремя разобраться в ужасной путанице с помолвкой, ты будешь рада выйти за Грейстоуна?

– Тут нет никакой путаницы.

Девушка встала и спокойно направилась к двери, ангельски привлекательная в платье, выбранном для нее Августой: элегантно, светло-голубого шелка, мягко ниспадавшем до полу, с мысочком изящных бальных туфелек. Светлые волосы Клодии, разделенные на прямой пробор, были уложены в модную прическу «мадонна», которую дополнял маленький гребень с бриллиантами.

– Но если ошибка все-таки совершена, Клодия?

– Я, разумеется, поступлю так, как велит папа, поскольку всегда стараюсь быть послушной дочерью, но, честное слово, уверена – да ты и сама вскоре поймешь, – что никакой ошибки нет. В течение всего сезона ты давала мне замечательные советы, а теперь позволь дать один совет и тебе: постарайся угодить Грейстоуну, поработай над собой, попробуй вести себя как полагается леди, и, я убеждена, граф будет обращаться с тобой достойно. А может быть, тебе даже захочется перед свадьбой перечитать пару маминых книжек...

Августа с трудом подавила негодование, а Клодия спокойно удалилась из комнаты и закрыла за собой дверь. Да, жизнь среди гэмпширских Баллинджеров порой становится поистине тяжким испытанием!

Клодия, без сомнения, будет прекрасной графиней Грейстоун. Августа уже и сейчас, казалось, слышала спокойный голосок кузины, обсуждающей за завтраком с графом предполагаемый распорядок дня. «Я полностью с вами согласна, милорд». Разумеется, уже через пару недель они до смерти наскучат друг другу ...

Но это уж не ее забота, решила Августа и, на минутку задержавшись у зеркала, вдруг осознала, что забыла подобрать украшения к розовому платью, и нахмурилась.

В маленькой позолоченной шкатулке, стоявшей на туалетном столике, хранились ее самые главные сокровища: аккуратно свернутый листок бумаги и ожерелье. На листке, покрытом зловещими бурыми пятнами, было написано небольшое стихотворение, сочиненное ее братом незадолго до смерти.

Ожерелье было собственностью нортумберлендских Баллинджеров и уже в течение трех поколений переходило от одной владелицы к другой. Еще совсем недавно оно принадлежало матери Августы: кроваво-красные рубины попеременно с мелкими бриллиантами, а в центре на подвеске – еще один рубин, очень крупный.

Августа часто надевала ожерелье, это было единственное, что у нее осталось на память от матери: все драгоценности Ричард продал, чтобы купить офицерский чин, – надела и сейчас, аккуратно застегнув замочек. Когда украшение заняло свое место и крупный рубин спрятался в нежной ложбинке на груди, девушка подошла к окну и стала лихорадочно соображать, что же предпринять.

Гарри вернулся домой из клуба вскоре после полуночи и, отослав слуг спать, направился в свое святилище – библиотеку. На письменном столе лежало последнее письмо дочери с подробным описанием успехов в учебе и погоды в Дорсете.

Гарри налил себе бокал бренди и, улыбаясь, уселся перечитывать усердно нацарапанное гусиным пером письмо. Мередит было девять лет, и Гарри очень ею гордился. Она уже доказала, что является серьезной и прилежной ученицей, мечтавшей порадовать отца и добиться больших успехов.

Гарри лично планировал воспитание и образование дочери и тщательно следил за выполнением каждого пункта своего плана. Всякие фривольные штучки вроде рисунков акварелью и чтения романов были им безжалостно вычеркнуты из этой программы. По мнению Гарри, именно столь легкомысленные занятия развивают склонность к романтическим настроениям, которым подвержены большинство юных леди. Он не хотел, чтобы подобные черты проявились и у Мередит.

С девочкой ежедневно занималась гувернантка Кларисса Флеминг, дальняя родственница Гарри, происходившая из обедневшего рода Флемингов. Он находил, что ему весьма повезло с воспитательницей дочери: серьезная достойная дама, типичный «синий чулок», тетя Кларисса полностью разделяла его взгляды на образование, но главное – была в совершенстве подготовлена для преподавания тех предметов, которые он счел необходимыми для Мередит.

Гарри отложил письмо, отпил немного бренди и принялся обдумывать, какие перемены могут произойти в его тщательно налаженной жизни и хозяйстве, если в них вмешается Августа.

Может, он и в самом деле сошел с ума?

Что-то шевельнулось у окна. Гарри, нахмурившись, поднял глаза, но не увидел ничего, кроме тьмы, зато услышал какой-то подозрительный шорох, вздохнул и потянулся за красивой эбенового дерева тростью, которую всегда держал при себе. Лондон не Европа, да и война давно закончена, но этот мир по-настоящему мирным так и не стал, а опыт в познании человеческой природы подсказывал Гарри, что никогда и не будет.

Он встал, зажав трость в руке, потушил лампу, подошел поближе к окну и посмотрел в сад. Стоило комнате погрузиться во тьму, как шорохи усилились и превратились в какое-то лихорадочное царпанье. Кто-то торопливо пробирался сквозь кусты, окружавшие дом.

Через несколько секунд раздался настойчивый стук в окно. Гарри выглянул и увидел фигуру в плаще с капюшоном: сто-то старался что-то рассмотреть сквозь стекло. Вот в лунном свете мелькнула маленькая рука и еще раз постучала в окно, почему-то очень знакомая рука...

– О, черт побери! – Гарри отступил от стены, положил черную трость на письменный стол и, резким сердитым рывком распахнув окно, оперся обеими руками на подоконник и высунулся наружу.

– Ах, боже мой! Как хорошо, что вы еще здесь, милорд! – Августа откинула капюшон, и в бледном свете луны было заметно облегчение на ее лице. – Я увидела в окне свет, обрадовалась, что вы здесь: больше часа ждала вашего возвращения у леди Арбутнотт, – а потом вдруг свет погас.

– Если бы я только знал, что меня ждет дама, непременно постарался бы вернуться домой пораньше.

Августа наморщила носик:

– О господи! Вы сердитесь, да?

– Что именно дало вам повод так думать? – Гарри потянулся вниз, схватил ее за укутанные плащом плечи и легко втянул через окно в комнату. И только тогда заметил, что кто-то прячется в кустах. – Кто там еще, черт побери?

– Это Скрагз, милорд, дворецкий леди Арбутнотт, – еле слышно пролепетала Августа, оправляя платье и плащ, когда Гарри наконец отпустил ее. – Салли настояла, чтобы он сопровождал меня.

– Скрагз? Понятно. Подождите меня здесь, Августа. – Гарри перекинул через подоконник одну ногу, потом вторую, спрыгнул на влажную землю и направился к сутуловатой фигуре в кустах. – А ну-ка выходите, любезный.

– Да, ваша светлость?.. – Скрагз вышел из кустов, прихрамывая и щурясь от еле сдерживаемого смеха. – Могу я чем-то быть вам полезен, сэр?

– Полагаю, на сегодня с вас достаточно, Скрагз, – проворчал Гарри и, чтобы не услышала Августа у открытого окна, добавил еле слышно: – И если ты еще раз окажешь этой даме помощь в подобного рода авантюрах, я лично займусь лечением твоих суставов и быстро научу ходить как следует. Надеюсь, понятно изъясняюсь?

– Да, сэр, куда уж понятнее... Мне все совершенно ясно, ваша светлость. – Скрагз склонил голову в подобострастном поклоне и попятился назад, энергично кланяясь. – Я ничего... подожду вон там, в холодке, сэр, мисс Баллинджер... Не обращайтесь на меня внимания, сэр, хотя ночной воздух и вреден для моих старых костей, милорд.

– Меня совершенно не интересуют ваши старые кости. Убирайтесь, пока я вам их не пересчитал, милейший. Возвращайтесь назад, к леди Арбутнотт, а о мисс Баллинджер позабочусь я сам.

– Салли собирается отправить ее домой в своей карете вместе с несколькими дамами из клуба, – тихо сообщил Питер уже своим голосом. – Не торопись, Гарри. Никто, кроме Салли и меня, не знает, что здесь происходит. Я буду ждать Августу у нее в саду, она в полной безопасности, только проводи ее туда.

– Ты и представить себе не можешь, как успокоил меня, Шелдрейк!..

Питер улыбнулся из-под наклеенных усов:

– Это была не моя идея, между прочим: мисс Баллинджер явилась сюда по собственной инициативе.

– К сожалению, я вполне этому верю.

– И остановить ее было совершенно невозможно. Она упростила Салли разрешить ей пробраться через сад к твоему дому, и Салли – что было очень мудро с ее стороны – настояла, чтобы я отправился вместе с леди. Собственно, больше мы ничего не могли с ней поделать: оставалось только позаботиться, чтобы она не попала в беду, прежде чем доберется до тебя.

– Ладно, исчезни, Шелдрейк. Твои извинения слишком притянуты за уши, чтобы имело смысл их выслушивать.

Питер снова ухмыльнулся и растворился во тьме, а Гарри вернулся к открытому окну, где стояла, вглядываясь в черноту ночи, Августа.

– Как, разве Скрагз уходит?

– Возвращается к своей хозяйке. – Гарри вскочил на подоконник и, очутившись в библиотеке, закрыл окно.

– Ах как хорошо! Очень мило, что вы отослали его, милорд, – улыбнулась Августа. – В саду очень холодно, и мне ужасно не хотелось, чтобы он слонялся по такой сырости вокруг дома. Вы знаете, его ужасно мучает ревматизм!

– Его будет мучить не только это... если попробует еще хоть раз выкинуть что-либо подобное, – пробормотал Гарри, вновь зажигая лампу.

– Пожалуйста, не вините Скрагза: ночной визит к вам исключительно моя затея.

– Я так и понял, и позвольте заметить, что затея ваша абсолютно непристойная, мисс Баллинджер, пустая, идиотская, достойная всяческого порицания. Но уж поскольку вы оказались здесь, то, может быть, все-таки объясните, что вас заставило рисковать собственной головой и репутацией, чтобы повидаться со мной в столь поздний час и столь странным образом?

– Но это так трудно объяснить, милорд! – огорченно воскликнула Августа.

– Не сомневаюсь.

Повернувшись к догоравшим дровам в камине, она явно наслаждалась теплом, исходящим от пышущих жаром малиновых головней. Плащ распахнулся, и крупный рубин у нее на груди мерцал в багровых отсветах пламени.

Гарри взглянул на ее прелестную грудь и шею, обнаженные глубоким вырезом вечернего платья, и не смог отвести глаз. Господь милосердный! Да ведь у нее почти вся грудь на виду, лишь немного прикрыта изящными атласными розочками в самых опасных местах. Воображение его тут же дорисовало все остальное: очаровательные бутоны под корсажем элегантного вечернего платья, твердые и округлые, они будто созданные для поцелуев.

Гарри отвел глаза и, чувствуя, что необычайно возбужден, постарался взять себя в руки и держаться в обычной холодноватой манере.

– Я предлагаю вам немедленно приступить к объяснениям, какими бы странными они ни казались. Уже слишком поздно.

Гарри прислонился к краю письменного стола и скрестил руки на груди с выражением сурового осуждения на лице. Было очень трудно продолжать бранить эту сумасбродку: единственное, чего ему по-настоящему хотелось, – немедленно уложить ее на ковер и прямо здесь предаться любовным утехам. Нет, эта женщина явно околдовала его!

– Я пришла предупредить вас о надвигающейся беде, милорд, – вывел его из грез ее голос.

– А могу я поинтересоваться, какая именно беда надвигается, мисс Баллинджер? – тяжело вздохнув, спросил граф.

Она обернулась и с несчастным видом посмотрела на него:

– Произошла чудовищная ошибка, милорд. Вы, по всей видимости, заезжали к моему дядюшке сегодня днем?

– Заезжал.

Конечно же, она не стала бы предпринимать подобную эскападу, чтобы только отказать ему, но Гарри впервые за все это время почувствовал тревогу.

– Дядя Томас не совсем правильно понял вас, сэр. Видите ли, он решил, что вы просите моей руки, а не руки его дочери. Без сомнения, ему этого очень хотелось. Он уже давно беспокоится по поводу моего положения: боится, как бы я не осталась старой девой, – и считает, что обязан непременно выдать меня замуж. Иными словами, боюсь, он уже разослал объявление о якобы нашей с вами помолвке в газеты, так что к завтрашнему утру об этом узнает весь город.

Гарри с трудом оторвал глаза от атласных розочек, уставился на свои до блеска начищенные сапоги и, несмотря на немыслимое волнение в крови, умудрился сказать совершенно спокойно:

– Понятно, мисс Баллинджер.

– Пожалуйста, поверьте, милорд: мой дядя допустил ошибку из самых благородных побуждений! Я его самым тщательным образом расспросила, и он был абсолютно уверен, что вы просили моей руки. Вы же знаете, какой он: по большей части живет в совсем ином мире. Он может помнить всех своих драгоценных греков и римлян, однако, к сожалению, вечно путает имена собственных домочадцев. Надеюсь, вы это понимаете?

– Хм...

– Да, я не сомневалась, что вы все поймете: наверняка тоже страдали от его рассеянности. – Августа так стремительно прошлась по библиотеке, что плащ взметнулся у нее за спиной, точно темный бархатный парус. – И все-таки еще не все потеряно, хотя завтра нам обоим будет трудно, когда столь неожиданное известие дойдет до слуха наших друзей и знакомых. Впрочем, я кое-что придумала.

– Господи, спаси и помилуй! – пробормотал себе под нос Гарри.

– Что вы сказали? – внимательно посмотрела на него Августа.

– Да так, ничего, мисс Баллинджер. Вы, кажется, говорили, будто что-то придумали...

– Вот именно. А теперь слушайте. Я понимаю, у вас мало опыта в подобных интригах – слишком вы увлечены наукой, так что будьте, пожалуйста, внимательны.

– По-видимому, у вас-то опыт в таких делах значительный?

– Ну, не совсем в таких, если честно, – покраснела Августа, – однако кое-что в интригах я смыслю. Просто, чтобы воплотить в жизнь свои планы, требуется определенная ловкость, а также смелость и ум. И потом, нужно вести себя так, будто ничего необычного не происходит, все время сохранять спокойствие. Вы понимаете меня, милорд?

– Полагаю, что да. Почему бы вам не изложить то, что задумали, целиком, чтобы я смог уловить суть?

– Прекрасно! – Она сосредоточенно нахмурилась и принялась изучать карту Европы, висевшую на стене. – Дело в том, что, после того как в газетах появится сообщение о нашей помолвке, для вас будет уже невозможно с честью взять ваше предложение назад.

– Это верно, – согласился граф, – но я и не собирался.

– Вот именно: вы попались в ловушку, – а вот я вполне могу воспользоваться чисто дамской привилегией и возмутиться, что все было сделано без моего согласия.

– Мисс Баллинджер...

– Ах, я знаю, что поползут бесконечные слухи и сплетни, меня назовут бездушной кокеткой и бог знает кем еще. Возможно, мне даже придется на некоторое время уехать из города, но зато вы окажетесь свободным и вам все даже будут сочувствовать. Ну а когда буря уляжется, вы сможете просить руки моей кузины, как и собирались с самого начала.

Августа замолчала и выжидающе уставилась на графа.

– У вас все, мисс Баллинджер? – после паузы спросил Гарри.

– Ну... да, – пролепетала она уже не слишком уверенно. – А что, все слишком просто? Но мы, наверное, могли бы придумать что-нибудь и более хитроумное, только, по моему глубокому убеждению, чем проще, тем лучше.

– Вам, конечно, виднее: у меня же совсем нет опыта в подобных делах, – пробормотал Гарри. – А что, вас так пугает сама возможность оказаться в такой ситуации?

Щеки Августы предательски покраснели, и она отвела взгляд:

– Это неважно, сэръ. Вы же просили не моей руки, и кто может вас за это винить? Я, например, отлично все понимаю... хотя должна, если позволите, высказать опасение, что вряд ли ваш брак с Клодией будет счастливым: очень уж вы похожи, – если понимаете, что я имею в виду...

Гарри поднял вверх ладонь, чтобы остановить ее словесный поток:

– Мне, видимо, следует кое-что прояснить, прежде чем мы продолжим обсуждение.

– Что же?

Загадочно улыбаясь, он помолчал, пытаясь предугадать, какова будет ее реакция, потом заявил:

– Дело в том, что ваш дядюшка не ошибся: я просил именно вашей руки, мисс Баллинджер.

– Моей? Вы просили моей руки, милорд?

Она выглядела совершенно ошеломленной, поэтому больше Гарри выдержать не мог: решительно приблизившись к девушке, взял ее дрожащую руку, поднес к губам и нежно поцеловал:

– Вашей руки, Августа.

Пальцы у нее были ледяные, она вся дрожала. Не говоря больше ни слова, Гарри привлек ее к себе. Какая она хрупкая, мелькнуло у него: тоненькая талия, изящная линия спины, мягкий изгиб бедер под розовым платьем...

– Милорд, я ничего не понимаю, – еле слышно прошептала Августа.

– Ничего удивительного, но, может быть, это вам что-нибудь объяснит...

Гарри наклонился и поцеловал ее – впервые по-настоящему, ну, если не считать тот невинный поцелуй, которым она одарила его в библиотеке Энфилда ночью...

Он целовал ее так, как ему мечталось все последние ночи, когда он лежал в своей постели без сна: не торопясь, легко касаясь разомкнутых губ, прекрасно понимая и охватившее ее смятение, и любопытство, и неуверенность, – но сила ее ответного чувства мгновенно разожгла в его душе пожар, ему безумно хотелось немедленно овладеть ею. И это желание затмевало разум, кружило голову.

Очень нежно Гарри взял маленькую ладошку Августы и положил себе на плечо, которое она тут же сжала пальцами – точно хваталась за последнюю соломинку. И он поцеловал ее опять – на этот раз страстно прильнув к чуть приоткрытым устам.

Вкус ее губ: сладостный, пряный, такой женский – чрезвычайно будоражил, и прежде чем осознал, что делает, Гарри уже со всей страстью приник к этому жаждавшему поцелуев рту. Руки его крепче обвили гибкую талию, сминая розовый шелк, атласные розочки прильнули к его рубашке, и под тонкой тканью он чувствовал ее напрягшуюся грудь.

Августа тихонько охнула и вдруг, неожиданно для себя, вскинула руки и обвила его шею. Плащ соскользнул с ее плеч, и Гарри, словно безумный, судорожно вдохнул аромат ее тела, духов, и предвкушение наслаждения стало непереносимым.

Он потянул за коротенький рукав ее платья, обнажив прелестное плечико и грудь, выскользнувшую из почти несуществующего корсажа: небольшую, округлую, упругую. Гарри с нежностью взял зрелый плод в ладонь. Да, он не ошибся: ее соски напоминали спелые ярко-красные ягоды.

– О господи, Гарри... то есть милорд...

– Нет-нет, пусть будет «Гарри» – это прекрасно!

Он позволил себе коснуться пальцем яркого бутона, цветущего на ее обнаженной груди, потом еще и еще, ощущая ответный трепет ее тела.

Отсвет догорающих в камине дров мерцал в красных камнях ожерелья, и эта женщина была так прекрасна, что он не мог отвести от нее взгляд. Он наблюдал, как пробуждается в ней страсть, и в его воображении мелькали соблазнительные образы великих античных цариц.

– О, моя Клеопатра! – пробормотал он задыхаясь.

Августа на мгновение замерла и попыталась высвободиться, но Гарри опять коснулся затвердевшего соска – легонько, ласково, потом проложил дорожку поцелуев по шее...

– Гарри! – задохнулась Августа вздрогнув, и прильнула к нему всем телом, словно хотела раствориться в нем, ее руки еще крепче обвили его шею. – Ах, Гарри! Мне всегда хотелось узнать, как это бывает...

Она сама поцеловала его, и эта неожиданная вспышка страсти подтвердила то, о чем он раньше только догадывался. В глубине души Гарри всегда был уверен, что Августа именно так ответит на его чувства, однако он совершенно не учел собственной, чрезвычайно бурной, реакции на ее ответную страсть. Эти расцветающие чувства буквально ослепили его.

По-прежнему нежно сжимая ее грудь, он осторожно потянул девушку вниз, на ковер. Она изо всех сил цеплялась за его плечи, полуприкрыв глаза, такие прекрасные, цвета топаза, в обрамлении пушистых ресниц, полные страсти, изумления и еще чего-то немного похожего на страх.

Гарри издал стон, вытянувшись с ней рядом на ковре, и рука сама потянулась к подолу ее платья.

– Милорд...

Он едва расслышал это слово, но все же поправил, целуя розовый сосок:

– Гарри.

Его рука медленно поползла вместе с юбкой вверх, обнажив до колен ноги в аккуратных чулочках.

– Гарри, пожалуйста! Я должна сказать вам что-то очень важное, и ни за что не соглашусь выйти за вас замуж, не сказав этого: не хочу, чтобы вы потом чувствовали себя обманутым.

Он замер; душу охватил леденящий холод.

– Что же вы хотели сообщить мне, Августа? У вас уже был другой мужчина?

Она непонимающе заморгала, потом ее щеки вспыхнули румянцем.

– О господи! Вы о чем? Конечно же, нет, милорд! И я совсем не об этом хотела поговорить с вами!

– Вот и прекрасно! – с облегчением воскликнул Гарри и усмехнулся, чувствуя одновременно и облегчение, и еще большее возбуждение.

Ну разумеется, никого у нее не было! Инстинкт опытного мужчины подсказал ему это сразу, еще несколько месяцев назад. И все-таки получить подтверждение собственным догадкам было приятно. Одной проблемой меньше, подумал он не без удовлетворения: если у нее не было любовников, то и соперничать не с кем – Августа будет принадлежать ему одному!

– Дело в том, – очень серьезно начала Августа, – что, боюсь, я буду очень плохой женой. Я пыталась объяснить вам это раньше, когда вы обнаружили меня в библиотеке Энфилда. Дело в том, что я не могу подчиняться большинству обычных правил нашего общества. Вы должны помнить: я ведь из нортумберлендских Баллинджеров и совсем не ангел в отличие от моей кухни. Мне совершенно чужды многие женские добродетели, а если точнее – у меня отсутствуют те качества, которые вы предъявляете к будущей жене.

Гарри еще чуть-чуть приподнял подол ее платья, обнажая бедра, с удовольствием ощутив пальцами необыкновенно нежную бархатистую кожу.

– Я уверен, что благодаря нескольким несложным урокам вы станете для меня великолепной женой.

– А я вот не разделяю вашей уверенности, сэр, – выдохнула Августа с отчаянием. – Очень трудно полностью переделать чей-то характер, вы же знаете...

– Я к этому не стремлюсь.

– Разве? – Она с тревогой и недоверием посмотрела ему в лицо. – И я вам действительно нравлюсь такой, какая есть?

– Очень! – Он поцеловал ее в плечо. – Есть, правда, парочка вопросов, которые хотелось бы обсудить, но это, так сказать, в рабочем порядке: когда вы станете восхитительной графиней Грейстоун.

– Ах вот как? – Она прикусила губу и крепко сжала ноги. – Гарри, вы любите меня?

Он вздохнул и перестал нежно поглаживать ее бедро.

– Я вас прекрасно понимаю: многие романтически настроенные молодые особы считают любовь чем-то необыкновенным: чувством, которое дается свыше, но отнюдь не в силу какого-либо рационально объяснимого процесса, – только сам я к таковым не отношусь и придерживаюсь диаметрально противоположного мнения.

– Ну разумеется! – не смогла она скрыть разочарования. – Я полагаю, вы вообще не верите в любовь, не так ли, милорд? В конце концов, вы же ученый: изучаете Аристотеля, Платона и прочих умных мужей. Должна только предупредить вас, сэр, что чрезмерно рациональное логическое мышление способно серьезно повредить восприятию.

– Я приму ваше замечание к сведению.

Он поцеловал ее в грудь, испытывая восторг от одного лишь прикосновения к этой шелковистой коже. Господи, как она прекрасна! Он не мог вспомнить, когда в последний раз желал женщину столь же сильно, как свою будущую жену.

Грейстоун дрожал от желания, нежный аромат возбужденного женского тела просто сводил его с ума. Да и она хочет его, он это чувствовал, поэтому решительно раздвинул ей ноги, коснулся пальцами бедер.

Августа вскрикнула и в страхе вцепилась ему в плечи. Глаза ее расширились от изумления.

– Гарри?..

– Разве тебе не приятно? – Покрывая легкими поцелуями грудь, он пальцами ласкал самые потаенные местечки ее тела.

– Не знаю, – прошептала она задыхаясь. – Ощущения такие странные... Я не уверена, можно ли...

Высокие часы в углу комнаты пробили один раз, и Гарри словно окатили ведром ледяной воды: он вдруг совершенно протрезвел и взял себя в руки.

– Боже мой! Что же я делаю? – Гарри резко сел и привел ее платье в порядок. – Леди Арбутнотт и ваш приятель Скрагз наверняка заждались вас, и нетрудно представить, что они подумают.

Августа нерешительно улыбнулась, когда он поднял ее, поставил на ноги и принялся разглаживать складки на платье.

– Не стоит бить тревогу, милорд. Леди Арбутнотт дама в высшей степени прогрессивных взглядов, как и я, а Скрагз, ее дворецкий, умеет держать язык за зубами.

– Как бы не так, черт бы его побрал! – проворчал Гарри, тщетно пытаясь расправить атласные розочки и закутать плечи Августы в плащ. – Черт бы побрал ваше платье! Вы же просто выпадаете из него! Позвольте заметить, сударыня: сразу же после нашей свадьбы вы первым делом закажете себе новый гардероб!

– Гарри...

– Поторопитесь! – Он взял ее за руку и потянул к окну. – Я должен без промедлений доставить вас к леди Арбутнотт. Меньше всего мне хотелось бы услышать сплетни вокруг вашего имени.

– Ах как вы правы, милорд! – с холодком заключила Августа.

Гарри, не обращая внимания на раздражение возлюбленной, выпрыгнул в окошко и помог благополучно приземлиться на траву и ей. Ее тело было таким податливым и теплым, что он снова застонал от необходимости расставания, поскольку до боли страстно желал ее. В голове мгновенно промелькнула мысль: а не отнести ли ее прямо наверх, в спальню, вместо того чтобы провожать к Салли? Нет, сегодня это было решительно невозможно.

«Но ничего, осталось немного, и я непременно сделаю это», – пообещал себе Гарри и, взяв Августу под руку, повел к калитке.

Господи, что эта сорвиголова сделала с ним? Свадьба должна состояться как можно скорее! Он просто не выдержит этой пытки.

– Гарри, если вас так беспокоят слухи и вы не любите меня, то скажите, ради бога, почему решили жениться на мне?

Августа плотнее завернулась в плащ, стараясь не отставать от спутника.

Вопрос был ему неприятен, хотя не стоило надеяться, что Августа просто легко согласится на предложение, не пытаясь выяснить истину.

– Моему решению имеется множество серьезных логических причин, – проговорил он резче, чем хотелось бы, остановившись неподалеку от калитки, чтобы выяснить, нет ли кого на улице. – Но сегодня о них я говорить не собираюсь. – В холодном лунном свете отчетливо виднелись плитки тротуара, окна дома Салли приветливо светились, и поблизости, слава богу, никого не было. – Накиньте капюшон, Августа.

– Хорошо, милорд. Конечно же, не стоит рисковать. Вдруг кто-нибудь нас заметит, верно? Уловив в ее голосе насмешку и обиду, он нахмурился:

– Простите, но я не столь романтичен, каким вам хочется меня видеть. И к тому же у меня сейчас слишком мало времени.

– Да, это очевидно.

– Вы можете не заботиться о собственной репутации, мисс Баллинджер, однако мне она безразлична.

Его, казалось, полностью занимало одно: как бы скорее и незаметнее доставить ее к задней двери особняка леди Арбутнотт. Калитка в сад была открыта. Гарри затащил туда Августу и заметил, как от стены дома отделилась тень, похожая на краба. Скрагз по-прежнему на посту, с раздражением заметил Гарри.

Он посмотрел на свою новоиспеченную невесту, но лицо ее было полностью скрыто опущенным капюшоном плаща. Отлично сознавая, что ведет себя отнюдь не как герой, о котором мечтают все девушки, и не как романтически настроенный жених, Грейстоун спросил:

– Август, мы, надеюсь, договорились с вами, что завтра вы не станете пытаться криком и слезами добиваться от дядюшки перемены решения? В противном случае, должен вас предупредить...

– Господи, милорд! – Она вздернула подбородок. – Если вы удовлетворены помолвкой с особой весьма фривольного поведения, которая носит платье с чересчур глубоким вырезом, то, надеюсь, я уж как-нибудь сумею вытерпеть строгого, чересчур серьезного, совершенно лишнего какой бы то ни было романтики ученого. В моем возрасте мне следует быть благодарной и за то, что досталось... однако у меня есть одно условие...

– О черт, что за условие?

– Я настаиваю на продлении срока помолвки.

– И надолго? – неожиданно севшим голосом спросил граф.

– Думаю, год... – Она чуть приподняла капюшон и взглянула на него.

– Боже милосердный! Целый год тратить на какую-то помолвку, мисс Баллинджер. Даже трех месяцев вполне достаточно, чтобы подготовиться к свадьбе.

– Ну хорошо, полгода.

– Черт побери! Четыре месяца, и это мое последнее слово.

Августа вздернула подбородок и ядовито произнесла:

– Ах как это великодушно с вашей стороны, милорд!

– Да, согласен: чересчур великодушно. Ну и ладно. Ступайте в дом, мисс Баллинджер, пока я не передумал и не сотворил что-нибудь непристойное, после чего нам обоим будет исключительно стыдно.

Гарри повернулся и побрел через сад к калитке, потом по улице, и при каждом шаге в его душе вскипал гнев, стоило вспомнить, как торговался, точно на базаре, чтобы уменьшить продолжительность своей помолвки. Интересно, Антоний с Клеопатрой тоже вел себя подобным образом?

Гарри сегодня особенно сочувствовал Антонию, чего с ним никогда не случалось прежде. Он всегда считал этого римлянина жертвой необузданной страсти, но теперь начинал понимать, как может женщина подчинить себе мужчину, лишиться самообладания.

Это было весьма тревожное открытие, и Гарри решил, что ему следует держаться настороже: в его избраннице явно обнаруживается талант доводить до безумия.

Через несколько часов, лежа без сна в постели и глядя в потолок, Августа все еще ощущала требовательные прикосновения рук и губ графа и изнывала от странной, неведомой прежде тоски, природу которой не могла объяснить. По телу у нее, казалось, струился жидкий огонь.

После долгих размышлений она вынуждена была признать, что больше всего ей хотелось бы, чтобы Гарри оказался сейчас здесь, с ней в одной постели, и произошло бы то, что должно, чего она так жаждет. Похоже, это и называют страстью, этому посвящают стихи, оды и романы.

При всем своем живом воображении, она даже не предполагала, насколько мучительными и опасными окажутся подобные чувства: в них недолго и потерять себя.

Похоже, граф настроен весьма решительно.

Августа почувствовала, как ее охватывает паника. Замужество? Выйти замуж за графа Грейстоуна? Как это возможно? Не совершает ли она ужасную ошибку? Кто она, и кто он? Нет, необходимо прервать эту помолвку, ради их же самих! Августа следила за призрачно бежавшими по потолку тенями и твердила себе, что просто обязана проявить чрезвычайную осторожность и находчивость.

## Глава 4

Гарри, прислонившись плечом к стене бального зала, задумчиво пил шампанское и смотрел, как его ветренная невеста кружится в объятиях очередного кавалера.

Августа в легком шелковом платье цвета темных кораллов выглядела великолепно, когда высокий рыжеволосый привлекательный джентльмен мчал ее по залу в бешеном темпе вальса. Безусловно, эта пара была самой красивой среди множества танцующих.

– Ты что-нибудь знаешь о Лавджое? – спросил Гарри у Питера, стоявшего рядом со скучной миной.

– Этот вопрос лучше задавать дамам, – лениво оглядывая переполненный зал, заметил приятель. – Насколько я понимаю, он пользуется особым вниманием у прекрасного пола.

– Это очевидно. Сегодня он уже перетанцевал со всеми более или менее привлекательными знатными дамами. И ни одна ему до сих пор не отказала.

Недовольно поморщившись, Питер быстро добавил:

– Вижу... даже Ангелочек.

Его взгляд скользнул по золотистой головке серьезной и скромной кузины Августы Клодии, танцевавшей с пожилым джентльменом.

– Мне безразлично, с кем он танцует, если это не Августа.

Питер насмешливо поднял бровь:

– И что ты намерен предпринять? Всем известно, что Августа Баллинджер особа своенравная и всегда поступает так, как ей хочется.

– Может быть, но поскольку мы с ней помолвлены, ей бы следовало вести себя более пристойно.

Питер ухмыльнулся:

– Значит, теперь, когда выбрал наконец невесту, ты намерен ее перевоспитывать в соответствии со своими требованиями? Это, наверное, будет очень непросто. Не забывай, что мисс Августа из нортумберлендских Баллинджеров, а те никогда не отличались особыми добродетелями. Родители Августы повергли все общество в шок своим побегом и тайным браком. Мне Салли рассказывала.

– Ну, это дела минувших дней...

– Что ж, а как ты отнесешься к событиям совсем недавнего прошлого? – спросил Питер, все более оживляясь. – Брат мисс Баллинджер два года назад был убит при весьма загадочных обстоятельствах.

– Его застрелил какой-то разбойник с большой дороги, когда он ехал домой из Лондона.

– Такова официальная версия. Дело замяли, однако, по мнению Салли, ходили слухи, что молодой человек был замешан в чем-то весьма сомнительном.

Гарри недовольно посмотрел на приятеля:

– Ты бы слушал поменьше сплетни. Каждый тебе скажет, что Ричард Баллинджер был весьма беспечный, рискованный юноша, в точности как его отец.

– Да, кстати, о его папаше... Ты, надеюсь, помнишь, какую репутацию заслужил старший Баллинджер своими бесконечными дуэлями из-за чрезмерной склонности его супруги к кокетству? Не боишься, что подобная проблема может возникнуть и у известной нам представительницы этого семейства? Кое-кто утверждает, что Августа копия своей матушки.

Гарри стиснул зубы, понимая, что Питер нарочно старается его поддеть.

– Баллинджер был просто беспечный болван. Из того, что рассказывал мне сэр Томас, я сделал вывод, что его брат не имел на свою жену абсолютно никакого влияния, потому она и вела себя столь безрассудно. Я же не намерен допускать, чтобы супруга втягивала меня в

ситуации, которые мешали бы моим делам. Только последний идиот может позволить себе дуэль из-за женщины.

– А я-то считал, что в поединках ты большой мастер. Порой мне казалось, что в жилах у тебя лед, а не кровь, Гарри, и всегда завидовал твоему хладнокровию.

Наблюдая, как Лавджой обнимает Августу, Гарри нахмурился.

– Извини, но мне, видимо, придется вмешаться и самому пригласить на следующий танец свою невесту.

– Пригласи, а заодно прочти ей какую-нибудь занимательную лекцию о добродетели – этим весьма развлечешь ее. – Питер выпрямился, отделившись от стены. – А я, пожалуй, подкачу к Ангелочку. Ставлю пять к одному, что она мне откажет.

– А ты попробуй намекнуть на ее новую книгу, – предложил Гарри и поставил свой бокал на поднос.

– И что это за книга?

– Что-то вроде путеводителя о полезных знаниях для юных леди – так, во всяком случае, говорил сэр Томас.

– О господи! – ошеломленно воскликнул Питер. – Неужели вся женская часть Лондона подалась в писатели?

– Похоже на то. Но не унывай: глядишь, и научишься у нее чему-нибудь полезному, – хмыкнул Гарри и отправился прокладывать себе путь сквозь плотную пеструю толпу гостей.

Его то и дело останавливал кто-то из знакомых, чтобы одарить многословными поздравлениями по поводу помолвки, но больше для того, чтобы уточнить, не врут ли газеты, в которых появилось сообщение об этом знаменательном событии. Гарри стало ясно, что высшее общество весьма заинтриговано его столь неожиданным выбором.

Леди Уиллоубай, внушительных размеров матрона в нежно-розовом платье, постучала веером по рукаву черного фрака Гарри, когда тот проходил мимо, и спросила:

– Значит, мисс Баллинджер оказалась самой достойной претенденткой в вашем списке, милорд? Никогда бы не подумала, что кто-то способен составить с ней супружескую пару. Однако вы всегда были себе на уме, верно, Грейстоун?

– Я полагаю, вы таким образом поздравляете меня с помолвкой? – холодно осведомился Гарри.

– Ну разумеется, сэр! Все просто счастливы поздравить вас. Мы ожидаем, что история с вашей помолвкой и браком доставит нам немало удовольствия в этом сезоне.

– Не думаю, мадам, что ваши надежды оправдаются, – едва ли не прошептал Гарри.

– Ну, милорд, не станете же вы отрицать, что сделали весьма оригинальный выбор! Вы и Августа Баллинджер все равно что небо и земля, день и ночь, но это даже интересно, не правда ли? Чрезвычайно интересно также, удастся ли вам прожить без дуэлей до того, как поведете ее к алтарю, и не станете ли просить сэра Томаса немедленно посадить племянницу на корабль и отправить куда-нибудь подальше от Лондона... Она из нортумберлендских Баллинджеров, знаете ли, а они, как известно, всегда причиняли окружающим массу хлопот.

– Моя невеста – настоящая леди, – очень спокойно проговорил Гарри, с холодным вниманием глядя толстухе в глаза и не позволяя эмоциям хотя бы в малейшей степени отразиться на его лице. – Очень надеюсь, что, говоря о ней, все будут помнить об этом. Вот как вы, например, мадам.

Леди Уиллоубай растерянно захлопала глазами и вдруг побагровела:

– Хм, разумеется, милорд. Я не имела в виду ничего такого... просто слегка подтрунивала над вами. Наша Августа чрезвычайно живая милая молодая леди, мы все ее любим и желаем ей только добра.

– Благодарю вас, непременно передам ей ваши пожелания.

Гарри с ледяной вежливостью поклонился и повернулся, намереваясь уйти, но ему еле удалось подавить стон. Без сомнения, чрезвычайно живое восприятие жизни уже принесло Августе репутацию беспечной и безответственной особы. И он намерен обуздать ее, пока она не попала в настоящую беду.

В конце концов ему удалось настигнуть свою невесту: в дальнем углу зала она болтала с Лавджоем. Словно почувствовав его приближение, Августа умолкла на полуслове и обернулась. При виде будущего супруга глаза ее подозрительно сверкнули, и она лениво и грациозно принялась обмахиваться веером, а потом произнесла светским тоном:

– Признаться, меня весь вечер мучило любопытство, когда же вы наконец покажетесь, милорд. Вы ведь знакомы с лордом Лавджоем?

– Да, встречались. – Гарри коротко кивнул джентльмену, как ни претило ему умиление, написанное на его физиономии.

– Мы посещаем одни и те же клубы. Верно, Грейстоун? – Лавджой повернулся к Августе, галантным жестом подхватил ее затянутую в перчатку руку и, поднося к губам, добавил: – Полагаю, я должен вручить вас будущему хозяину и повелителю, дорогая. Теперь-то я понимаю, что у меня нет шансов, и остается лишь надеяться, что где-то в глубине души у вас сохранится хотя бы легкое сожаление после того сокрушительного удара, который вы нанесли мне, приняв предложение Грейстоуна.

– Я уверена, сэр, что вы очень скоро оправитесь от этого удара. – Августу высвободила руку и с улыбкой кивнула Лавджою, а когда барон растворился в толпе, повернулась к графу.

На щеках ее вспыхнул румянец, но в глазах явно читался вызов. Гарри вдруг подумал, что, кажется, догадывается о причине этого странного яркого румянца, пылавшего на ее щеках и сейчас, и во время тех двух кратких встреч, которые уже успели состояться после сообщения об их помолвке. Каждый раз, когда смотрела на него, Августа наверняка вспоминала их ночную встречу на ковре в библиотеке. Безусловно, мисс Баллинджер, несмотря на свои прогрессивные взгляды и свободомыслие, страшно смущали эти воспоминания. Гарри считал это добрым знаком: в конце концов, румянец смущения указывал на то, что дама все же имеет некоторые представления о добродетели.

– Вам не жарко, дорогая? – спросил Гарри с вежливой заботливостью.

Августа поспешила ответить, покачав головой:

– Нет-нет, я чувствую себя прекрасно, милорд. А теперь скажите: вы подошли ко мне, чтобы пригласить на танец? Или хотите прочитать мне очередную лекцию о том, как следует себя вести?

– Скорее последнее...

Гарри взял ее за руку и повел через открытые стеклянные двери в сад.

– Этого я и боялась. – Августу обмахивалась веером, пока они шли по террасе, потом со щелчком сложила его. – У меня было много времени подумать, милорд.

– Да, у меня тоже. – Гарри остановился возле скамьи. – Давайте присядем. Мне кажется, нам есть о чем поговорить.

– О господи! Я так и знала! Я была уверена, что этим все и закончится. – Она мрачно взглянула на него и грациозно присела на краешек скамьи. – Милорд, вам это не поможет. Мы либо примиримся с обстоятельствами, либо откажемся от вашей затеи.

– Что именно не поможет? Вы, надеюсь, не о помолвке?

Гарри поставил ногу на краешек скамьи и, облокотившись на колено, внимательно посмотрел в серьезное лицо Августы.

– Именно о ней. Я все время думаю о том, что произошло, и не могу отделаться от мысли, что вы совершаете страшную ошибку. Я хочу, чтобы вы поняли: вы оказали мне большую честь своим предложением, однако для нас обоих будет лучше, если я все-таки разорву помолвку, пусть и ценой скандала.

– Не думаю, что это хорошая идея, – возразил Гарри.

– Но, милорд, вы же сказали, что у вас было время все обдумать. Неужели непонятно, что союз между нами просто невозможен?

– Напротив: не просто возможен, а при незначительных усилиях над собой станет идеальным.

Августа возмущенно вскочила:

– Что вы хотите этим сказать, сэр? Может, надеетесь, что сумеете меня переделать в соответствии со своими представлениям о достойной добродетельной супруге?

– Не стоит говорить за меня, дорогая. – Гарри взял ее за руку и мягко заставил опять сесть на скамью. – Я всего лишь хотел сказать, что, по-моему, мы прекрасно уживемся.

– И кто же из нас должен работать над собой, милорд?

Гарри вздохнул и, задумчиво глядя куда-то поверх ее головы, заметил:

– Мы оба, без сомнения, должны немного измениться, как того требует любой брак.

– Ясно. Давайте тогда кое-что уточним. Вот, например, какие именно изменения вы хотели бы видеть во мне, сэр?

– Для начала было бы неплохо перестать вальсировать с Лавджоем и ему подобными. Что-то в нем мне не нравится... И сегодня к тому же я заметил, что он проявляет к вам повышенный интерес.

– Да как вы смеете, сэр? – вне себя от гнева, опять вскочила Августа. – Я буду танцевать с кем захочу, а вам следует уяснить, что никто никогда не станет диктовать мне, что и как делать. И мне очень жаль, если мое поведение кажется вам слишком вольным, сэр, хотя, должна вас заверить, это еще только цветочки...

– Вот как? Меня, разумеется, весьма встревожили ваши слова.

– Вы что, издеваетесь, Грейстоун? – В глазах Августы полыхнул гнев.

– Нет, дорогая, ничуть. Присядьте, пожалуйста, если вам не трудно...

– Очень трудно, и садиться не желаю! Я намерена немедленно вернуться в зал, отыскать свою кузину и отправиться домой. А еще собираюсь сообщить дядюшке, что незамедлительно разрываю нашу помолвку!

– Вы не поступите так, Августа.

– Почему это, скажите на милость?

Гарри взял ее за руку и еще более мягко, но одновременно и более настойчиво потянул и заставил сесть.

– Потому что я считаю вас в высшей степени порядочной леди, несмотря на вашу горячую, непокорную головку, а еще женщиной, которая ни при каких обстоятельствах не станет награждать мужчину знаками внимания, чтобы потом обмануть его надежды...

– Знаками внимания? – воскликнула Августа в недоумении. – О чем это вы?

Пора, решил Гарри, пора пустить в ход мягкие угрозы, а возможно, даже легкий шантаж!.. Августу необходимо немножко подтолкнуть в нужном направлении. Она – это совершенно очевидно – сопротивляется любому упоминанию о браке.

– По-моему, ответ вам хорошо известен. Или вы уже забыли о том, что произошло на ковре в моей библиотеке две ночи назад?

– Господи помилуй! – Августа так и застыла на скамье, не сводя с него глаз. – Милорд, вряд ли вы просто так упомянули об этом. Вы специально меня провоцируете. Вы что же, вообразили, будто из-за пары поцелуев я готова связать себя с вами узами брака?..

– Поцелуй поцелую рознь, а кроме того, мы не только целовались, Августа, и, я полагаю, вы прекрасно это помните.

– Да, возможно, я позволила лишнее...

Она покраснела и с отчаянием взглянула на него.

– Лишнее? Да вы были почти раздеты, когда нам пришлось остановиться! – напомнил ей Гарри с точно рассчитанной грубостью. – И если бы не пробили часы, мы могли бы действительно зайти чересчур далеко. Я знаю, что вы самолюбивы и заносчивы, однако вовсе не жестоки.

– Жестока? Я на этом и не настаиваю! По-моему, это вы использовали меня, сэр!

Гарри пожал плечами:

– Ну, я полагал, что не совершаю ничего предосудительного, раз уж мы помолвлены. Ваш дядюшка принял мое предложение, ну а вы сами пришли ко мне в столь поздний час. Что же я должен был подумать? Вот и предположил, что вы завлекали меня и были более чем щедры, расточая знаки внимания.

– Нельзя верить ни одному вашему слову! Вы просто все перевернули с ног на голову. Запомните, Грейстоун: никаких знаков внимания я вам не расточала!

– Вы себя недооцениваете, дорогая! – улыбнулся он загадочно. – Я-то как раз считал эти знаки внимания весьма многообещающими. Трудно забыть ощущения от того, как ваша прелестная грудь покоилась в моей ладони: нежная, полная, упругая. А вершину ее венчал розовый бутон, расцветавший под моими пальцами...

– Милорд! – в полном смятении воскликнула Августа.

– Неужели вы действительно думаете, что я могу забыть изящный изгиб ваших бедер? – продолжал Гарри, не обращая внимания на ее возмущение и решив проучить строптивицу. – Округлые, изумительной формы, как у греческой статуи... Я навечно сохраню в памяти, словно самую большую драгоценность, те восхитительные ощущения, которые испытал, когда вы великодушно позволили мне коснуться ваших прелестных бедер, моя радость.

– Но никто вам этого не позволял! – запротестовала Августа. – Вы сами делали то, что хотели, не спрашивая разрешения...

– Но вы ни звуком, ни жестом не попытались меня остановить. И сами целовали меня с жаром, даже, можно сказать, со страстью, разве нет?

– Нет, сэр, это не так! – едва ли не в панике выкрикнула Августа.

Гарри изумленно вскинул брови:

– Так значит, вы ничего не чувствовали, когда целовали меня? Я страшно огорчен и разочарован... Как же вы сумели так много мне позволить, хотя сами ничего не почувствовали? Для меня, например, те мгновения были исполнены страсти, и я никогда не забуду.

– Я не говорю, что ничего не чувствовала... Просто... в общем, то, что вам показалось, было не совсем искренним... Я оказалась застигнутой врасплох. Милорд, вы все неправильно поняли! Право, не стоит придавать случившемуся такого уж большого значения.

– Могу ли я это понимать так, что для вас не исключение подобные полуночные встречи и вы не воспринимаете столь интимные отношения серьезно?

– Да о чем вы? – совершенно растерялась Августа, понимая, что сама загнала себя в угол. – Вы определенно стараетесь заставить меня почувствовать свою вину за то, что мы слишком увлеклись тогда и у вас не осталось иного выхода, кроме помолвки...

– А мне кажется, что в ту ночь были даны кое-какие обещания, – возразил Гарри.

– Неправда!

– Позвольте не согласиться. Мне кажется, позволив такие вольности, какие допустимы лишь с мужем или с женихом, вы все-таки дали мне определенные обещания. Что же я должен был подумать, когда вы каждым своим движением давали понять, что с радостью примете меня как в роли любовника, так и мужа?

– Ничего такого я не делала... – совсем сникла Августа.

– Помилуйте, мисс Баллинджер! Не могу заставить себя поверить, что вы просто развлекались со мной в ту ночь. И вы также не сможете убедить меня, что пали столь низко и просто

по привычке кокетничали. Вы безрассудны и смелы от природы, однако я отказываюсь думать, что вы бессердечны, жестоки или же совершенно равнодушны к своей чести!

– Разумеется, нет! – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Для нас, нортумберлендских Баллинджеров, честь превыше всего. Мы пойдем во имя ее даже на смерть.

– В таком случае наша помолвка остается в силе. Теперь мы с вами достаточно серьезно связаны, поскольку зашли слишком далеко, чтобы поворачивать назад.

Послышался резкий щелчок, потом треск, и Августа посмотрела на то, что осталось от ее веера. Она так сильно стиснула его, что хрупкие пластинки не выдержали.

– Тьфу ты! – вырвалось у нее.

Гарри улыбнулся и, протянув руку, приподнял ее лицо за подбородок. Длинные ресницы взметнулись, и на него посмотрели встревоженные глаза. Наклонившись, он легким поцелуем коснулся чуть приоткрытых губ:

– Верьте мне, Августа: мы с вами непременно будем счастливы.

– А вот я в этом совсем не уверена, милорд: мне по-прежнему кажется, что мы совершаем большую ошибку.

– Никакой ошибки! – Гарри прислушался к звукам, донесшимся из открытых окон. – Не окажете ли мне честь потанцевать со мной, дорогая? Вальс...

– Пожалуй, – пробормотала Августа, неловко поднимаясь со скамьи. – Не вижу для себя выбора при сложившихся обстоятельствах. Если я откажусь, вы, конечно же, скажете, что это против правил приличия хотя бы потому, что мы помолвлены.

– Вы хорошо меня изучили, – прошептал Гарри, предлагая ей руку. – Я просто помешан на правилах приличия...

Он не мог не заметить, что Августа все еще напряжена и упрямо стискивает зубы, ступив с ним на залитый светом паркет бального зала.

Значительно позже тем же вечером Гарри вышел из своей кареты на Сент-Джеймс-стрит и поднялся по ступеням крыльца одного весьма солидного заведения.

Дверь перед ним немедленно распахнулась, и он оказался в той исключительно располагающей атмосфере дружелюбия, которую может создать только отличный клуб для джентльменов.

Трудно найти обстановку более приятную, чем здесь, размышлял Гарри, усаживаясь у камина и наливая себе бренди. Неудивительно, что Августа решила развлечь Салли и ее подруг неким подражанием клубу «Сент-Джеймс». Этот заведение было бастионом, укрытием от внешнего мира, убежищем, чуть ли не домом родным. Здесь каждый имел возможность побыть в одиночестве или подыскать себе подходящую компанию.

В таком клубе можно было расслабиться и отдохнуть в обществе друзей, испытать судьбу за игральным столом или же с кем-то приватно побеседовать. Сам Гарри за последние несколько лет, пожалуй, довольно часто прибегал к конфиденциальности.

Несмотря на то что во время войны почти не покидал континент, во время редких посещений Лондона он старался непременно заглянуть в свои любимые клубы. И если не имел возможности лично передать туда чек, то не забывал проверить, сделано ли это и состоят ли его агенты в членах какого-нибудь респектабельного заведения, где всегда можно было получить секретные сведения.

Именно здесь, например, ему когда-то удалось узнать, по чьей вине погиб один из лучших агентов британской разведки. Прошло совсем немного времени, и с убийцей произошел несчастный случай, который организовал граф Грейстоун.

В другом, не менее знаменитом заведении на той же Сент-Джеймс-стрит Гарри договорился о покупке дневника одной известной куртизанки. Ему сообщили, что эта дама любила

поразвлечься с французскими шпионами, этими презренными эмигрантами, которых в Лондоне во время войны было предостаточно.

Во время дешифровки простейшего кода, с помощью которого дама записывала свои воспоминания, Гарри впервые наткнулся на кличку Паук, однако куртизанка погибла прежде, чем он успел с ней встретиться. Заплаканная служанка рассказывала, что один из любовников ударил ее хозяйку ножом в приступе необузданной ревности. И разумеется, бедная женщина понятия не имела, кто именно, поскольку любовников у дамы было немало.

Загадочная кличка Паук преследовала Гарри на протяжении всей его работы на благо короны. Люди погибали в темных аллеях, едва успев произнести это слово. В перехваченных письмах французских агентов в заслугу Пауку ставились провалы лучших британских агентов. Не раз перехватывались записи о передвижении войск, военные карты, которые, видимо, предназначались для передачи таинственному Пауку.

И до сих пор имя того, кто скрывался под этой кличкой и кого Гарри с давних пор привык считать своим личным врагом и противником в великой «шахматной игре», оставалось нераскрытым. К несчастью, все это время сам Гарри не имел возможности заняться разгадыванием тайны Паука: очень много было других головоломок.

С самого начала интуиция подсказывала, что Паук скорее всего англичанин, и Гарри ужасно раздражал тот факт, что предателю удалось уйти от правосудия. Из-за Паука погибло много отличных агентов и просто честных солдат.

– Пытаетесь угадать свое будущее по языкам пламени, Грейстоун? Сомневаюсь, что вы прочли в камине хоть какой-нибудь ответ.

Гарри поднял голову: манерно-медлительный голос Лавджоя нарушил его спокойные раздумья.

– Я так и думал, что рано или поздно вы явитесь сюда, Лавджой. Мне как раз нужно с вами поговорить.

– Вот как? – Лавджой налил себе бренди и, небрежно прислонившись к каминной доске, слегка взболтал золотистую жидкость в бокале: его зеленые глаза вспыхнули недобрым огнем. – Сначала позвольте поздравить вас с помолвкой.

– Благодарю вас.

Гарри ждал продолжения.

– Мисс Баллинджер, как мне кажется, вовсе не принадлежит к вашему типу женщин. Боюсь, она унаследовала все фамильные качества – и беспечность, и склонность к проказам. Это будет весьма странный брак, если вы позволите высказать мое личное мнение...

– Не позволю. Лучше держите свое мнение при себе. – Гарри холодно улыбнулся. – Кроме того, запрещаю вам танцевать с моей невестой вальсы.

Лавджой побледнел от гнева и процедил сквозь зубы:

– Мисс Баллинджер очень любит танцевать и утверждает, что я прекрасный партнер.

Гарри медленно проговорил, глядя в огонь:

– Будет лучше для всех, если вы подыщете себе другую леди для демонстрации своих способностей к танцам.

– А если нет? – усмехнулся Лавджой.

Гарри глубоко вздохнул и встал, с сожалением покидая удобное кресло.

– В таком случае мне придется принять определенные меры, чтобы оградить невесту от вашего назойливого внимания.

– И вы действительно думаете, что вам это удастся?

– Вне всякого сомнения! – заявил Гарри, взял бокал с недопитым бренди и, одним глотком осушив его, не говоря ни слова, направился к дверям.

Вот вам и поспешные заявления относительно того, что не станет драться на дуэли из-за женщины! Гарри осознал, что едва не вызвал Лавджоя на дуэль. Если бы тот не внял пре-

дупреждению, все, вполне возможно, закончилось бы дурацкой мелодрамой с поединком на пистолетах ранним утром.

Это же надо: помолвлен всего двое суток, а невеста уже ухитрилась доставить ему немало волнений, нарушив его спокойную, размеренную жизнь. Вот уж действительно остается только гадать, что его ждет после свадьбы!

Августа, поджав ноги, сидела в синем кресле у окна библиотеки, хмуро уставившись в лежавший на коленях роман, но как ни пыталась сосредоточиться и прочесть хотя бы страницу, не успевала одолеть и один абзац, как тут же мысли уходили в сторону и приходилось начинать сначала.

В последнее время она не могла думать ни о чем, кроме их отношений с Гарри, и просто не понимала, каким образом стремительно развернувшиеся события привели ее к такой ситуации.

И самое главное, она никак не могла разобраться в собственных чувствах! С тех пор как она оказалась на ковре в библиотеке Гарри, совершенно ошеломленная взрывом первой страсти, она постоянно пребывала в каком-то смятении. Каждый раз, стоило закрыть глаза, она вновь ощущала волнуемый вкус его поцелуев, а воспоминания о том, как он касался ее тела, бросали в жар и вызывали головокружение.

И он по-прежнему убеждал ее, что они непременно должны пожениться.

Дверь в библиотеку приоткрылась, и Августа с облегчением оторвалась от книги.

– Ах вот ты где! – с улыбкой вошла в комнату Клодия. – Что ты читаешь? Очередной роман, наверное?

– Это «Собиратель древностей». – Августа закрыла книгу. – Очень увлекательно, масса всяких приключений, потерявшийся наследник и сколько душе угодно хитроумных побегов.

– Да-да, новый «Уэверли».

– Мне следовало бы догадаться. Что, пытаешься определить, кто автор?

– Без сомнения, Вальтер Скотт. Я просто уверена.

– Как и большинство читателей, очевидно. Могу поспорить, он хранит свое авторство в тайне только для того, чтобы книги лучше распродавались.

– Я так не думаю. Они весьма популярны и очень нравятся публике. Их покупают по той же причине, что и эпические поэмы Байрона. Их очень интересно читать. Хочется быстрее переворачивать страницы, чтобы узнать поскорее, что будет дальше.

Клодия посмотрела на нее с легким упреком:

– А тебе не кажется, что теперь, когда стала невестой, стоило бы почитать что-нибудь более возвышенное? Одна из маминих книг больше подошла бы молодой леди, которая собирается замуж за столь серьезного, прекрасно образованного человека. Ты же не захочешь разочаровать графа своим легкомыслием?

– Грейстоуну, на мой взгляд, совсем не повредит общение со столь легкомысленной особой! – проворчала Августа. – Он порой кажется таким занудой! Весь словно зашнурованный! Если хочешь знать, он уже запретил мне танцевать с Лавджоем!

– Неужели? – Клодия села напротив кухни и налила себе чашку чаю из чайника, стоявшего на краешке стола.

– Да, причем в приказном порядке.

Клодия задумалась:

– Что ж, возможно, он и прав. Лавджой такой легкомысленный! Может, я говорю лишнее, но уверена, что он не в состоянии будет удержаться от соблазна, оказавшись в обществе дамы, позволившей ему слишком много вольностей.

Августа воздела очи к небесам, умоляя Господа дать ей терпение.

– С Лавджоем очень легко общаться, так что ничего подобного не произойдет. К тому же он настоящий джентльмен. – Прикусив губку и немного помолчав, она спросила: – Клодия, ты не очень рассердишься, если я задам тебе один не слишком деликатный вопрос? Я бы хотела посоветоваться с тобой относительно некоторых правил приличия... Я уверена, что именно ты дашь мне самый лучший совет.

Клодия выпрямила свою и так безупречно прямую спину и строго посмотрела на кузину:

– Тебя что-то тревожит?

Августа вдруг пожалела, что затеяла этот разговор, но теперь было уже слишком поздно, поэтому заговорила о том, что так сильно тревожило ее после вчерашнего бала.

– Как ты полагаешь, джентльмен действительно имеет право считать, что дама дала ему определенные обещания, если позволила ее поцеловать?

Клодия нахмурилась, тщательно обдумывая заданный вопрос, потом сказала:

– Совершенно очевидно, что леди не должна позволять подобных вольностей никому, кроме мужа или жениха. Мама очень ясно выразила эту мысль в своей книге «Советы юным леди».

– Да, я помню, – нетерпеливо проговорила Августа. – Но давай смотреть на вещи реально: все бывает. Иногда парочки целуются украдкой где-нибудь в саду, и все об этом знают, но до тех пор, пока они сами хранят свои отношения в тайне, никто не считает, что им следует объявлять всему свету о своей помолвке.

– Я надеюсь, ты говоришь об этом чисто гипотетически? – спросила Клодия, вдруг проницательно посмотрев на кузину.

– Абсолютно гипотетически. – Августа беспечно помахала в воздухе рукой. – Этот вопрос возник в результате обсуждения данной темы с некоторыми моими... хм... подругами из «Помпеи», но мы тщетно пытались прийти к единому мнению.

– Без сомнения, было бы лучше, если бы ты воздержалась от подобных дискуссий, вот что я думаю.

Августа стиснула зубы:

– Да, ты права, но все же что ты думаешь по этому поводу?

– Ну, я полагаю, что это все-таки предосудительно – позволять мужчине такие вольности, хотя поцелуй не выходит за грань приличий. Можно, конечно, пожелать данной леди вести себя более осмотрительно, тем не менее обвинять ее за один украденный поцелуй я бы не стала.

– Вот и я того же мнения! – с готовностью подхватила Августа. – И разумеется, замешанный во все это джентльмен не имеет ни малейшего права считать, что данная леди дала ему обещание выйти за него замуж только потому, что он проявил некоторую наглость и украл у нее поцелуй.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.